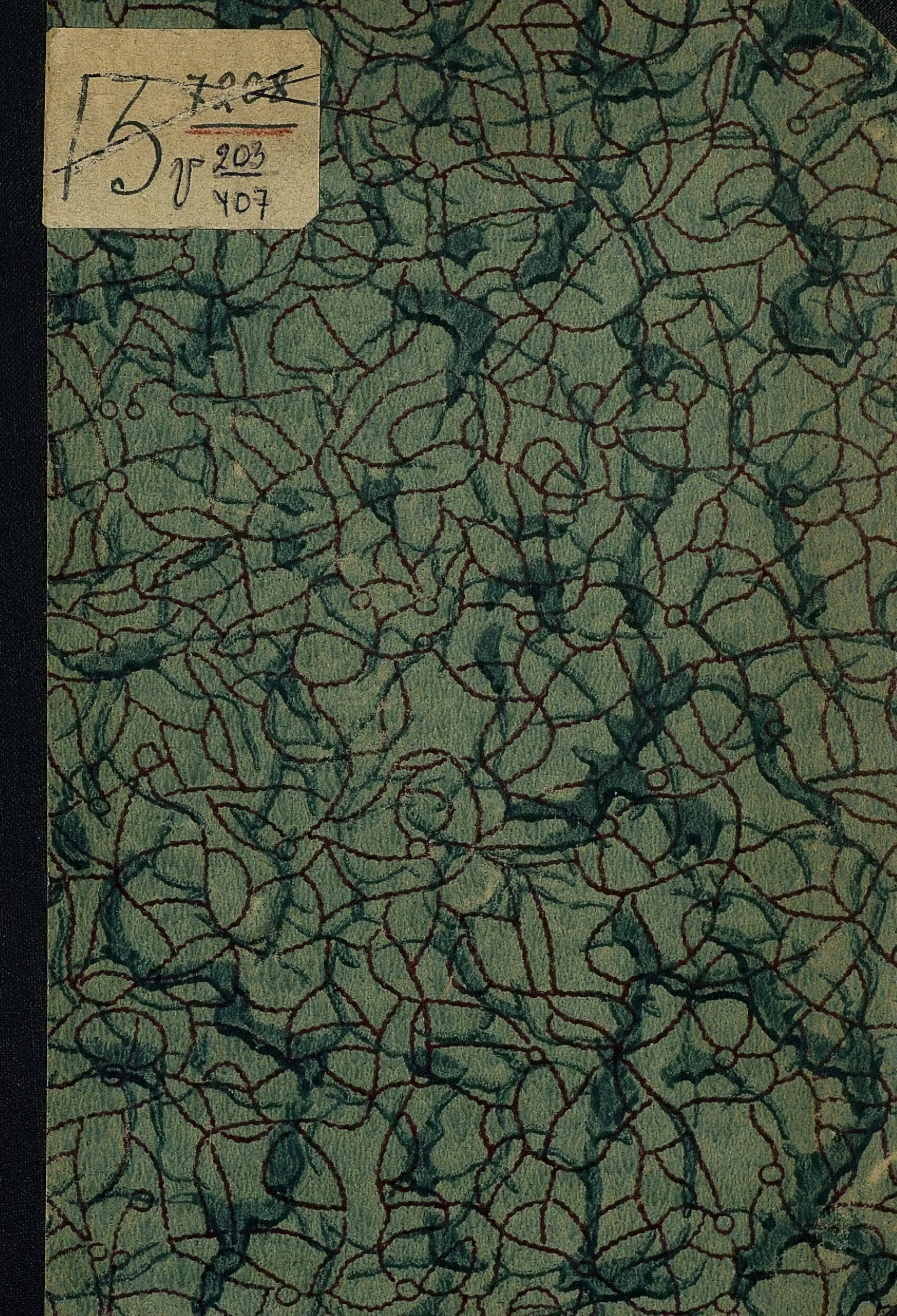
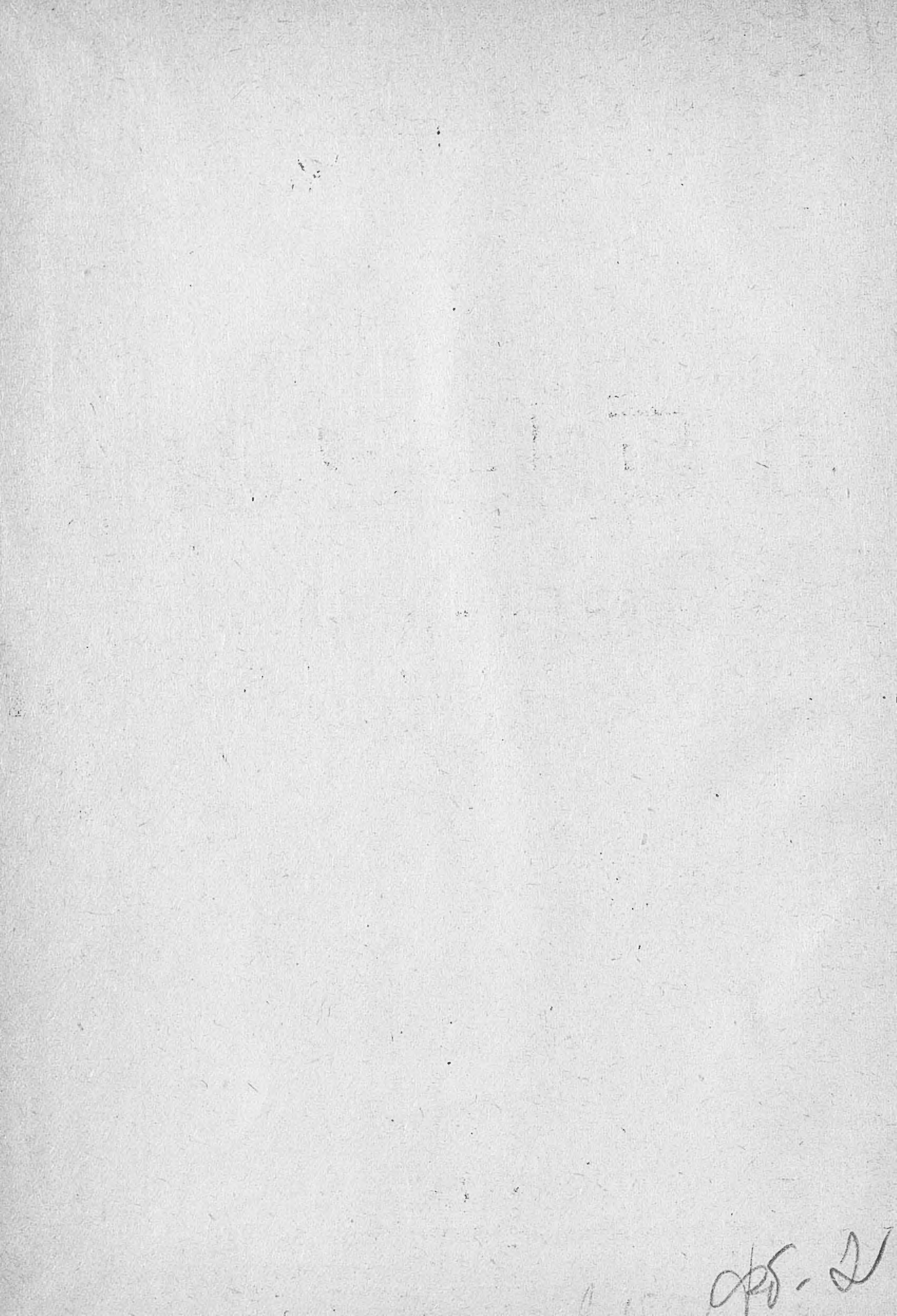
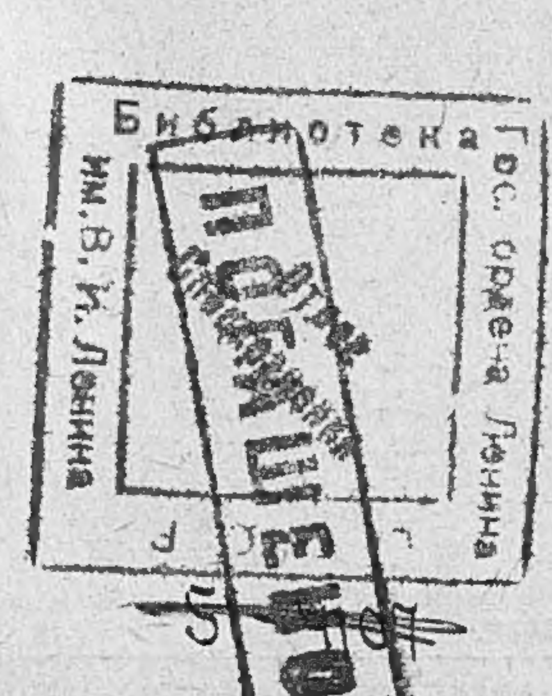

203
407

Д. П. БОГОЛЕПОВ
ДЕНЬГИ
СОВЕТСКОЙ
РОССИИ
РАБОЧЕЕ
ИЗД-ВО „ПРИБОЙ“
ЛЕНИНГРАД 1924

Д. П. БОГОЛЕПОВ

ДЕНЬГИ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Рабочее Издательство „ПРИБОЙ“ Ленинград 1924

Ленинградский гублит № 2613. Тираж 10.000.

Государственная типография имени тов. Зиновьева. Ленинград. Социалистическая ул., д. № 14.

Посвящается памяти

главного вдохновителя денежной реформы

гения пролетарской революции

Владимира Ильича Ульянова

(Ленина).

ВВЕДЕНИЕ.

На наших глазах совершается одна из грандиознейших реформ—реформа денежного обращения. Совсем еще недавно мы жили в условиях падающей валюты, настолько недавно, что не успели еще, как следует, высохнуть чернила, какими была написана настоящая брошюра, как положение дел изменилось существенным образом. Печатание государственных казначейских билетов шло более быстрым темпом, чем печатание настоящей книжки, поэтому приходилось делать кое-какие добавления в виде примечаний и дать новое введение, так как прежнее оказалось далеко превзойдено реформой, а мы в настоящее время не любим отсталых книг и отсталых людей.

Однако, тем более является интересным несколько оглянуться назад и с достигнутых нами высот взглянуть на важнейшие этапы недавно проведенной борьбы.

Мы сейчас переходим на твердое денежное обращение и расстаемся со всем опостылевшей эмиссионной системой. Так называемая эмиссионная система представляет собой систему жить за счет выпусков бумажных денег, которые выпускаются государством без всякого соответствия с количеством производимых товаров, без всякого соответствия с потребностями оборота в денежных средствах. Если же денег выпускается больше, чем нужно для оборота, то цены всех товаров повышаются, что прежде всего очень тяжело отражается на интересах широких трудящихся масс. Эмиссионная система представляет собой ежедневный вычет из их дохода. Деньги, полученные трудящимися, тают в их кармане, и этот налог, который всякий стремится сбросить с себя, стал особенно тяжелым в последнее время перед началом проведения денежной реформы, когда быстрота обесценения увеличивалась с каждым днем и почти с каждым часом. В то же время, тогда не было никакой возможности сколько-нибудь точного учета своих доходов, так как цены менялись чрезвычайно быстро и очень неравномерно.

Наоборот, проведение денежной реформы, не вполне еще законченное, так как в настоящий момент еще не произведен выкуп совзнаков (он будет окончательно произведен к 31 мая) мы наблюдаем необычайное для последнего десятилетия явление—понижения цен и их относительной устойчивости. Цены, конечно, меняются

и в настоящее время, но это находится в связи с условиями производства и сбыта, но та сумасшедшая пляска цен, которую мы имели возможность наблюдать в продолжение последних десяти лет, в настоящий момент уступила место их относительно устойчивому состоянию.

Между тем, как раз последнее время перед реформой скачка цен была особенно быстрой, что очень тяжело отражалось на положении трудящихся, но очень тяжело отражалось также на положении государства, так как оно вовсе не получало выгоды в той мере, в какой это соответствовало бы жертвам потребителей. Значительная доля эмиссионного налога перехватывалась на пути от трудящихся масс к казне всякого рода посредниками, торговцами и спекулянтами, которые с своей стороны сами обыкновенно вовсе не несли этого налога, перекладывая его исключительно на плечи потребителей, т.-е. главным образом—рабочих и крестьян.

Поэтому эмиссионный налог не был вовсе таким выгодным для государства, как это могло бы показаться с первого взгляда. Правда, первое время,—когда население этого налога еще не замечало, когда иногда крестьяне набивали целые кубышки денег—николаевских, керенских и советских, не замечая, что они со временем превращаются просто в разноцветные бумажки,—государство извлекало из эмиссионного налога довольно значительные суммы, настолько значительные, что никакими самыми тяжелыми и косвенными налогами такой суммы никогда бы не удалось собрать, но с течением времени население привыкает к этому налогу и понимает его сущность; все стараются сбросить его с себя, превратить бумажные деньги в товар, золото, твердую иностранную валюту и пр., а государство получает от выпуска бумажных денег все меньший и меньший доход. Мы увидим далее, что у нас этот доход с каждым годом уменьшался и, в конце концов, эта система стала невыгодной, так как государство при получении своих налогов само теряло немалые суммы. Поэтому переход к твердой валюте явился в настоящее время совершенно необходимым, хотя он мог быть совершенно только на известном уровне развития производительных сил. Денежная реформа стала возможной только на основе наших экономических достижений.

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ ПРИ ЦАРИЗМЕ.

История денежного обращения в России представляет собой постоянную борьбу твердой валюты с бумажно-денежным хаосом. Еще в те времена, когда до бумажных денег еще не додумались, ухитрялись добывать средства для войны путем, так называемой, порчи монеты. Если во Франции один из королей получил прозвище «фальшивомонетчика», то и Россия в этом отношении не была отсталой страной. Еще «тишайший царь» Алексей Михайлович хорошо умел подделывать монету, уменьшая количество содержащегося в ней металла в несколько раз, но пуская ее в обращение по прежней цене. Это было так выгодно, что у него сейчас же нашлись подражатели из частных лиц, за что правительство заливало им горло расплавленным металлом, но от этого количество металла, содержащегося в монете, не увеличивалось, и деньги обесценивались в несколько раз. Только, с чрезвычайно большим трудом, возвращались к нормальной монетной системе с тем, чтобы при первом серьезном кризисе, при первой войне вновь приняться за то же самое. Со времени печатания бумажных денег, соблазн собирать налог без сборщиков и чиновников был так велик, что вся наша история полна злоупотреблениями бумажно-денежной эмиссией. Екатерина II несколько раз давала обещание за себя и за своих потомков никогда более не возвращаться к этому средству, но при всякой войне так усердно разрешала печатание бумажных денег, что эта болезнь сделалась у нас с этих пор хронической, постоянной. В то же время постоянно делались попытки к возвращению к твердой валюте. При Александре I в 1810 году валютной единицей был об'явлен серебряный рубль, но «Отечественная» война 1812 года (в эту войну Россия получала прямые денежные субсидии [помощь] от Англии, так что Наполеон не без основания называл русских «наемниками Англии»), эта страшно разорительная война смела всякие попытки денежных реформ и оставила в наследство чрезвычайно расстроенное денежное обращение. Более серьезная попытка денежной реформы была проведена при Николае I в 1839—1843 г.г. Это—так называемая реформа Канкрина. Здесь попытались стабилизовать, т. е. сделать неподвижной, твердой, прежнюю колеблющуюся валюту и затем провести размен на основании установившейся ценности. Такого рода реформу называют девальвацией, обесценением, так как она исходит из вновь

установившейся ценности денег, а не из той, которая была дана им при их выпуске. Некоторые финансисты считают такие реформы частичным государственным банкротством, так как здесь государство не выполняет своих обещаний и нарушает доверие своих граждан. В истории других стран известны примеры денежных реформ на основе полного восстановления ценности денег и, наоборот, известны примеры полного аннулирования, уничтожения в конец обесценившихся денег и замена их новыми, полноценными деньгами. Подробности этих реформ можно найти в книге М. И. Боголепова «Бумажные деньги». Автор этой книги, рассмотрев целый ряд типичных денежных реформ, приходит к выводу, что в более богатых странах обычно прибегают к восстановлению ценности денег при полном сокращении их выпуска, накоплении золотого фонда для размена и др. мер, в более же бедных странах — обычным типом, обычной денежной реформой является девальвация. Здесь нужно помнить, что восстановление ценности денег имеет в виду интересы денежных капиталистов, держателей ценных бумаг и, с точки зрения рабочего класса, также во всех странах заинтересованного в твердой валюте, почти всегда предпочтительной является девальвация, как более дешевый тип реформы, хотя бы он и был связан с нарушением интересов некоторых групп, с их частичной экспроприацией. Выпуск бумажных денег сам по себе представляет такую значительную экспроприацию, которая всей своей тяжестью ложится на неимущие классы, что последним нет нужды еще платить налоги для вознаграждения денежных капиталистов, в то время как собственные убытки неимущих классов в этих случаях остаются невозмещенными.

Однако, девальвация Канкрина скоро была сорвана новыми войнами, и Россия снова стала на продолжительное время страной бумажно-денежного обращения, страной без твердой валюты.

Был снова произведен целый ряд попыток реформы, накапливался золотой фонд, стремились и уменьшили дефициты [1] в государственном бюджете, но очень долгое время все попытки оказывались безуспешными. Только после турецкой войны, сорвавшей одну из очередных попыток, в наступивший период более мирного времени, было можно думать о серьезной реформе, нужда в которой была особенно велика, так как Россия, бывшая в первой половине XIX века весьма отсталой страной, во второй половине этого столетия все более и более втягивалась в обще-европейскую жизнь, становилась все более капиталистической страной. Для того, чтобы капитализм мог успешно развиваться, необходимо было как можно скорее провести денежную реформу и установить нормальное для всех капиталистических стран денежное обращение, т.-е. золотое обращение. В это время были попытки даже уравнять бумажный рубль в ценности с золотым рублем, в чем не было, однако, необходимости не только с экономической стороны, так как такого рода реформа стоила бы очень дорого, но

[1] Дефицит—недостаток, нехватка.

и с юридической, с правовой стороны, так как прежней монетной единицей был не золотой, а серебряный рубль, ценность же серебра в сравнении с золотом за это время сильно упала. Денежная реформа подготовлялась долго. В министерстве Бунге был произведен целый ряд налоговых реформ, и были сделаны серьезные попытки к уменьшению бюджетных дефицитов. На самом деле, если в государственном бюджете доходы не покрывают расходов, то трудно говорить о твердой денежной единице, так как эти бюджетные дефициты нередко покрывались при помощи той же самой эмиссии, которая, в случае проведения реформы, не может уже быть источником государственных доходов. С другой стороны, необходимо было иметь, так наз., активный платежный баланс, т.-е. нужно было, чтобы наш ввоз из-за границы и другие платежи покрывались нашим вывозом. Для этого необходимо было иметь активный торговый баланс, т.-е. иметь вывоз больше ввоза, так как других источников для покрытия заграничных платежей у нас почти не было. На эту сторону дела обратил особенное внимание министр финансов Вышнеградский, которому приписывали знаменитое изречение: «Не доедим, а вывезем». Вышнеградский хотел провести денежную реформу на основе восстановления ценности бумажного рубля до уровня рубля металлического, но это ему не удалось. По этому поводу много острили; известный клоун Дуров заставлял в своем цирке свинью поднимать рубль, и, когда она не могла этого сделать, говорил зрителям, «что и Вышнеградский не может поднять рубля». Преемником Вышнеградского был знаменитый Витте, которому и удалось, наконец, провести денежную реформу, и у нас установилось золотое обращение вплоть до взрыва мировой войны.

После того, как Бунге и Вышнеградский в значительной степени подготовили основы реформы: 1) бездефицитный бюджет, 2) активный торговый баланс и крупный золотой фонд, Витте нужно было только продолжить работу своих предшественников и провести технически самую реформу, установив размен на золото.

В отношении бюджета Витте пошел еще дальше своих предшественников. Он ввел систему, так наз., преуменьшенного исчисления доходов, которая заключалась в том, что доходов в действительности поступало больше, чем их было исчислено по государственной росписи. Получались остатки, которые поступали в разменный фонд. Политика вывоза заграницу также продолжалась с неменьшим успехом. Был накоплен крупный разменный фонд в несколько сот миллионов рублей золотом, и можно было приступить к осуществлению так долго подготовляемой денежной реформы.

За основу реформы был избран принцип девальвации, как более дешевый и практичный. Но установление размена требовало установления предварительной стабилизации (утверждения) рубля, так как ценность нашего бумажного рубля все время колебалась. Витте удалось, при помощи различных технических мер, стабилизовать его на уровне 66 коп. золотом. В 1896 роду были разрешены сделки на золото, при чем курс прежней золотой монеты, империала, номиналь-

ная ценность которого была в 10 руб., установился в 15 рублей. В 1897 году Витте, вместо прежних золотых монет, выпустил новые, в которых количество золота было меньше на одну треть. Таким образом, три новых империала (монета в 10 руб.) были равны двум старым. Кроме того, было выпущено в обращение серебро в качестве разменной валюты. Реформа технически была проведена так ловко, что на практике не вызвала никакой ломки и никаких неудобств, и население очень быстро привыкло к новому счету. Размен кредитных билетов [1] на золото был обеспечен следующим образом: первые 600 миллионов были обеспечены на половину, остальные должны были быть обеспечены полностью, рубль за рубль. И эта система в действительности строго проводилась в жизнь, так что обеспечение было даже с излишком, по крайней мере, если верить оффициальным отчетам. Во всяком случае, если и были кое какие злоупотребления в этой области, то размен неуклонно продолжался вплоть до мировой войны. Японская война и 1905 год прошли для золотого обращения сравнительно благополучно. Несомненно, однако, что в этот момент, золотому обращению грозила довольно большая опасность. Дорого стоящая война, революция 1905 года, в частности манифест петербургского Совета Рабочих Депутатов о выемке денег из сберегательных касс и о требовании уплаты жалования золотом, не могли не отразиться на золотом обращении и едва не привели к его срыву. Как в 1911 году признался министр финансов Коковцов, был уже заготовлен манифест о прекращении размена, но затем дело обошлось.

Для нас в данный момент довольно интересна система обеспечения золотом ввиду того, что в данный момент мы также переходим к твердой валюте после 10-ти-летнего перерыва, в течение которого мы пережили так много, как прежде не переживали и за 10 десятилетий. Наши червонцы, о которых подробно много еще придется говорить дальше, также обеспечены золотом и также выпускаются с очень большим обеспечением. Хватит ли золота для обеспечения новой твердой валюты и какова, вообще, в подобных случаях роль золотого обеспечения, по этому поводу мнения экономистов и финансистов расходятся. В то время как одни стоят за чрезвычайно строгую систему золотого обеспечения, другие придают гораздо более важное значение обеспечению товарным оборотом, и в частности векселям, как наиболее ярким представителям этого товарного оборота. В Германии в прежнее время банковые билеты были обеспечены золотом на одну треть, другая треть была обеспечена другими ценными бумагами, а третья векселями. Проф. М. В. Бернацкий, бывший министром финансов при Керенском и у Врангеля, считает теоретически неправильным доводить золотое обеспечение до степени покрытия чуть ли не всей суммы выпускаемых банковых билетов. Приводя в защиту своего мнения целый ряд суждений по этому по-

---

[1] Кредитный или банковый билет следует резко отличать от бумажных денег, их отличительными признаками является их разменность, в то время как бумажные деньги не размениваются.

воду лучших иностранных экономистов, он приходит к выводу, что, по существу, самое важное значение имеет вексельное обеспечение. В государственном банке — говорит он — скопляется масса векселей, вместо которых через некоторое время поступят деньги. С своей стороны, гос. банк, взамен этих векселей, выписанных на самые разнообразные суммы и потому неспособных к широкому обращению, выпускает банковые билеты в купюрах [1] на крупную сумму, удобных для оборота. Правда, часть этих векселей может оказаться фиктивной, по ним платежей не поступит, а потому в руках банка должен быть известный запас золота. Но это вовсе не значит, что все векселя должны быть обеспечены золотом, так как подавляющее количество их является полноценными, заслуживающими доверия, и платеж по ним непременно последует. Громадное же обеспечение золотом, какое существовало в большинстве капиталистических стран, несомненно, имеет другие причины, из них можем указать, как на одну из основных—подготовка к войне. Финансовая мобилизация до начала европейской войны производилась во всех странах, в том числе и в России. Начиная с 1913 года правительство, которое вскоре после денежной реформы усердно предлагало населению золото, хотя многие предпочитали кредитные билеты, все равно разменные на золото, вдруг стало стягивать золотые запасы к себе и очень осторожно выпускало золото. Перед войной у нас находилось в обращении около 600 миллионов золота и серебра, около 1.600 милл. кредитных билетов, а золотой запас составлял около 1.200 миллионов.

Интересно отметить громадное значение так называемой валютной политики. Правительство или центральный банк при помощи всякого рода мер может так регулировать денежное обращение, что в некоторых случаях золотое фактически обращение поддерживается без выпуска золота в оборот. Для этого нужно, чтобы количество выпускаемых банковых билетов не превышало того количества, которое потребно для обращения и, с другой стороны, чтобы потребность в орудиях расплаты по иностранным платежам также удовлетворялась в достаточной мере. На этих принципах была основана денежная политика Австро-Венгрии, страны, которая, не в меньшей степени чем Россия, являлась классической страной постоянных колебаний валюты. Австро-Венгерский банк скупал иностранные векселя и ценности, так называемые девизы, и регулировал их курс, в то же время выпуская для внутреннего рынка банковые билеты, неразменные на золото, но в таком количестве, чтобы их курс постоянно поддерживался на уровне золотой валюты. Эта политика в данный момент привлекает особенное внимание, и нам еще придется о ней говорить, когда мы перейдем к выяснению основ предстоящей у нас денежной реформы.

---

[1] Долях, буквально отрезках.

ВОЙНА И ЭМИССИЯ ДО СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.

Взрыв войны в июле 1914 года сразу разрушил плоды долгих стремлений к созданию твердой валюты. В самом начале войны царское правительство об'явило, как временную меру, прекращение размена кредитных билетов, что фактически было превращением их в неразменные бумажные деньги. Все понимающие дело экономисты и финансисты сразу поняли, что здесь дело идет не о временной мере, а о фактическом срыве твердой валюты, восстановление которой потребует большого труда и больших усилий. Правда, в это время никто не ожидал, что война примет такой затяжной, такой разорительный характер, но все же для всех было ясно, что европейская война ставит всю европейскую цивилизацию, с ее с такими громадными усилиями накопленными ценностями, на край пропасти. И, действительно, мировая война 1914—1918 г.г. оказалась самой разорительной из всех прежде бывших войн.

Война, вызвавшая во всех странах огромное бремя государственного долга, общая сумма которого увеличилась приблизительно в 8 раз, причинила в то же время небывалое разрушение производительных сил.

Общая сумма убытков, причиненных войной, определяется свыше 1.000.000.000.000 франков или свыше 300 миллиардов рублей.

Эта сумма во много раз превышает убытки, которые когда либо причиняла война в прошлом. Наполеоновские войны обошлись в $16^1/_2$ миллиардов франков, борьба Соединенных Штатов за независимость в 25 миллиардов, франко-прусская война в $15^1/_2$ миллиардов, русско-турецкая в 6 милл. франков, испано-американская в 5 миллиардов, англо-бурская в 1 миллиард франков.

По исчислению «Комиссии по возмещению убытков» одни только имущественные убытки составляют во Франции свыше 140 миллиардов франков, в Англии—около 800 миллионов фунтов стерлингов (около 8 миллиардов рублей), в Италии—20 миллиардов лир (лира равна франку или 37 коп. золотом), в Бельгии—29,7 миллиардов франков, в Юго-Славии—8,5 миллиардов динар, в Румынии—9,7 миллиардов франков.

По вычислениям известного статистика Краммонда, если принять во внимание народное богатство отдельных стран и материальные выгоды, полученные победителями, на основании мирного договора, то потери, вызванные войной для четырех важнейших стран, выразятся в следующих цифрах (в миллиардах фунтов стерлингов; 1 фунт равен приблизительно 10 зол. рублям).

Страны.	Народное богатство после войны.	Стоимость войны.	Потеря народного богатства в %.
Англия	27,5	3,5	12,7
Франция	24,9	5,4	25
Италия	7,1	1,9	20
Германия	33,0	15,0	50

Можно привести еще целый ряд данных, свидетельствующих о разорительности империалистической войны. Разумеется, говорить о полной точности совершенно невозможно, и все приведенные выше данные лишь приблизительно учитывают колоссальный убыток, причиненный войной. Не нужно забывать, что уровень производительных сил во всех странах, принимавших участие в войне, сильно понизился, между тем на всех почти странах лежит теперь тяжелым камнем сильная военная задолженность, которая подрывает окончательно и без того уже сильно подорванные производительные силы. Можно сказать, что никогда еще в истории человечество не переживало подобной катастрофы, и тяжесть ее особенно усугубляется тем, что она ложится чрезвычайно неравномерно. В то время как доходы одной численно небольшой группы чрезвычайно повысились после войны, колоссальное большинство населения страшно пострадало.

При этих условиях неудивительно, что денежное обращение было сломлено на долгое время. В самом начале войны кадетский депутат Шингарев (впоследствии министр финансов при Керенском) пропагандировал необходимость выпуска бумажных денег, как самое лучшее и удобное средство для финансирования войны. Никакие налоги—говорил он—не в состоянии дать такого колоссального количества средств, какого требует война. Правда, для мирного времени налоговые насосы работали довольно недурно, но как собрать воду, если она разбросана по капелькам. А при помощи эмиссии, выпуска бумажных денег можно собрать средства из таких уголков народного хозяйства, до которых никогда не доберутся даже наиболее совершенные налоги. При этом Шингарев умалчивал, что подобный способ финансирования войны целиком ложится на беднейшие классы, в то время как капиталистам и землевладельцам этот способ приносил очень большие выгоды, которые должны были остаться для них и в послевоенное время, если бы не было Октябрьской революции [1]. На западе в капиталистических странах война повела к страшнейшему обогащению некоторых групп буржуазии и помещиков за счет всех других классов населения, и именно это обстоятельство служит одним из сильнейших препятствий к преодолению того валютного хаоса, того колоссального беспорядка в денежном обращении, который воцарился почти во всей Европе после войны. Один из самых больших знатоков в экономических вопросах—Кейнс как-то сказал, что из всех европейских стран Советская Россия, пожалуй, первая сумеет восстановить свое денежное обращение. Что это действительно так, что именно Октябрьская революция, разрубившая старые узы, как это не может показаться странным с первого взгляда, легче других капиталистических стран сумеет поставить свое денежное обращение на золотую основу, в этом можно убедиться, если бросить хотя бы один взгляд на положение

[1] Подробно эти вопросы разобраны в моей брошюре «Война и Финансы», Москва, 1917.

денежного обращения во Франции. Франция в настоящее время является едва ли не самой могущественной страной в Европе, быть может еще более могущественной, чем при Наполеоне, и в то же время теперь, особенно при фактическом захвате Рура, одной из очень богатых стран.

Правда, война ее порядком порастрясла, но все же если до сих пор французский франк представляет по ценности меньше одной трети довоенного и при этом, будучи стабилизованным в 1918 году, в 1923 снова начинает падать [1], то виной этому вовсе не французское разорение, не французские колоссальные военные долги Англии и Америке, которых она все равно не платит, повидимому, и не будет платить, а жадность французских ростовщиков и денежных капиталистов.

Эти капиталисты страшно нажились во время войны на военных поставках, на государственных займах, на которых они подписывались уже неполноценным франком, а теперь они желают получать проценты в твердой валюте, полноценным франком. Поэтому они и слышать не хотят о денежной реформе на основе девальвации, они хотят полного восстановления ценности довоенного франка, т. е. получать втрое или вчетверо против того, что они получают теперь. Эта политика встречает противодействие других групп, тем не менее интересы денежного капитала имеют такое влияние на государственный аппарат, что они упорно добиваются своих планов. Тот же Кейнс говорит по этому поводу: Если такая политика будет продолжаться, то дело может дойти до полного краха, виной которого будет вовсе не борьба рабочего класса, вовсе не теория Маркса, а собственная глупость и жадность теперешних повелителей Франции.

В Англии положение лучше. Там английский фунт стерлингов почти достиг довоенного уровня на внешнем рынке, но на внутреннем рынке цены на две трети выше довоенных, государственный бюджет возрос с 2 миллиардов довоен. золотых руб. до 9, а одно время даже до 12 миллиардов, так что и в этой чрезвычайно богатой стране не все благополучно. И даже в Соединенных Штатах Северной Америки, как мы знаем из статей известного американского экономиста Ирвинга Фишера, далеко не все обстоит благополучно в области денежной политики. И там в этой области идет борьба между промышленным и денежным капиталами, при чем преобладание интересов денежного капитала препятствует реформе денежного обращения и мешает развитию промышленности. В других странах в этой области в послевоенное время также большей частью обстоит неблагополучно. В то время как одни страны страдают от полнокровия, от ненормально высокой валюты, от дороговизны жизни и безработицы, другие страдают от обесценения бумажных денег и от попыток их восстановления путем разорения всей страны. Мы не говорим уже о Германии, которая в декабре 1923 года получала путем

---

[1] В 1924 году это падение продолжается, и к 10 марта представляет уже менее $1/5$ довоенной ценности.

налогов всего 1/1000 нормальных доходов, а остальные средства, т. е. 999/1000 получала путем эмиссии. Всюду мы видим положение, весьма далекое от благополучия, и притом самые простые и легкие выходы из него отвергаются благодаря своекорыстию правящих классов. Неудивительно поэтому, что в России, где под властью рабочего класса нет места интересам хищников, несмотря на колоссальное разорение и очень неблагоприятные международные условия, восстановление экономической жизни и в частности восстановление денежного обращения не наталкивается на такие препятствия, как в капиталистических странах, и Кейнс, несомненно, прав, когда он думает, что Советская Россия одна из первых сумеет восстановить свое денежное обращение. Между тем именно Россия испытала самые жестокие удары во время империалистической войны, пережила затем почти трехлетнюю гражданскую войну и блокаду. Неудивительно поэтому, что война, которая велась главным образом за счет выпуска бумажных денег привела к страшнейшему их обесценению, до сих пор невиданному и превзойденному в самое последнее время (в октябре 1923 г.) только падением немецкой марки.

Первые полтора года войны выпуск бумажных денег давал громадные доходы государству и, вместе с тем, не приводил к сколько-нибудь значительному падению ценности денег. Это произошло по следующим причинам. Во-первых, ввиду прекращения размена, находившееся в обращении золото немедленно было спрятано и в обращение не поступало. Поэтому первые выпуски бумажных денег прошли безболезненно. Во-вторых, дальнейшие выпуски нередко скоплялись в руках населения, в особенности в руках крестьян, которые по наивности предполагали, забыв всю многолетнюю историю бумажных денег в России или, вернее, совсем не зная ее, что впоследствии ценность денег будет восстановлена, и они получат громадные барыши. Крестьяне, копившие в своих кубышках массу десятирублевок, «катенек» и других, не знали, что этим они поддерживают ценность денег, находящихся в обращении, и помогают царскому правительству вести преступную войну.

Но уже в 1915 году и особенно начиная с 1916 года, когда правительство все более и более увеличивает порции выпускаемых в оборот денег, начинается довольно заметное их обесценение. В первой половине 1916 года ежемесячно количество денег увеличивается на 3%, затем увеличение идет все сильнее и в некоторые месяцы, например, в январе 1917 года составляет уже 22,8%. Но в общем в это время, среднее ежемесячное увеличение не превышает 6—7%. Соответственно этому увеличиваются и товарные цены. С. А. Фалькнер, специально много занимавшийся вопросом денежного обращения, дает такую картину их обесценения [1].

---

[1] С. А. Фалькнер. «Прошлое и будущее русской эмиссионной системы». «Социалистич. Хозяйство за 1923 г. №№ 2—3». Таблица комбинируется мной несколько иначе.

Месяцы.	1916 год.			1917 год.		
	I.	II.	III.	I.	II.	III.
Январь.	5,62	0,09	1,43	9,2	2,1	2,94
Февраль	5,71	0,19	1,55	11,3	0,5	3,10
Март.	5,96	0,18	1,57	11,8	0,7	3,15
Апрель.	6,08	0,13	1,63	12,5	0,6	3,35
Май	6,21	0,17	1,71	13,1	0,7	3,80
Июнь	6,38	0,25	1,79	13,8	1,0	4,50
Июль.	6,63	0,25	1,95	14,8	1,0	5,76
Август	6,88	0,24	2,11	15,8	1,7	6,55
Сентябрь.	7,12	0.47	2,17	17,5	1,9	6,80
Октябрь.	7,59	0,49	2,35	19,4	3,0	7,40
Ноябрь.	8,08	0,60	2,57	22,4	2,6	10,20
Декабрь	8,68	0,52	2,75	25,0	2,3	15,45

I. Количество бумажных денег в обращении в начале месяца (в миллиардах руб.).

II. Выпуск бумажных денег в течение месяца (в миллиардах руб.).

III. Всероссийский указатель цен статистики труда в начале месяца (при чем уровень цен 1913 года принимается за единицу).

Таким образом, в октябре 1917 года мы получили от царского режима и от керенщины довольно печальное наследство.

К моменту Октябрьской революции было выпущено в обращение почти 20 миллиардов бумажных денег, т. е. в 10 раз больше, чем до войны, ежемесячно выпускалось 2—3 миллиарда, т. е. как раз количество, равное всей сумме денежного обращения в довоенное время, а товарные цены к этому времени превышали довоенные в $7^1/_2$ раз. Неудивительно, что с таким наследством трудно было что-нибудь поделать и особенно в условиях ожесточенной гражданской войны.

Вся система денежного обращения была твердо поставлена на эмиссионные рельсы, сдвинуть с которых и перейти на нормальное денежное обращение потребовало бы чрезвычайно больших усилий даже для мирного времени и в особенности было бы трудно, если бы Россия оставалась капиталистической страной, обязанной платить долги, возросшие до чрезвычайной высоты. Если в довоенное время Россия должна была ежегодно уплачивать приблизительно 400 миллионов золотых рублей в год, из них менее половины внутренних и около 214 миллионов внешних долгов, то после войны она должна была, кроме того, ежегодно уплачивать колоссальные проценты по военным

долгам; общая сумма, которая должна была быть уплачиваема ежегодно после войны, превышает миллиард рублей золотом (около 1.200 мил.), т.-е. наш теперешний бюджет должен был бы почти удвоиться. Эта тяжесть была бы совершенно невыносима для русского народного хозяйства и означала бы полное закабаление страны иностранцами, не говоря уже о тяжелой дани, которую, разумеется, потребовали бы и наши отечественные капиталисты.

Что касается иностранных капиталистов, то платеж им должен был бы быть произведен в твердой валюте, так как таковы обычные условия займов.

Несомненно, и отечественные капиталисты потребовали бы уплаты в твердой валюте, так как иначе весьма значительно обесценились бы их военные и довоенные барыши. Отсюда было бы весьма сильно стремление восстановить твердую валюту не на основе девальвации, что сравнительно легко, а снова стали «поднимать рубль», который упал во много раз больше, чем при Вышнеградском. В Чехо-Словакии за эту политику «поднятия» был смертельно ранен министр финансов Рашин; он действительно несколько поднял чехо-словацкую крону, но путем, который привел к страшному разорению страны и к сильнейшей безработице, от которой она до сих пор не может оправиться.

ЭМИССИЯ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.

Отсюда ясно, как это не покажется странным, что пролетарскому государству легче восстановить свою валюту, чем капиталистическому государству, где это является гораздо более сложной задачей, так как натыкается на хищнические интересы денежного капитала.

Почему же Советская власть не восстановила твердую валюту в первые же месяцы своего существования? Были ли сделаны подобные попытки и если были, то почему они не удались?

Несомненно, у многих читателей на эти вопросы явится готовый ответ, что Советская власть и не думала заниматься этим вопросом, что она сознательно печатала бумажные деньги для того, чтобы окончательно экспроприировать капиталистов, что политика первых лет Советской власти была направлена к непосредственному введению коммунизма, в ожидании близкой мировой революции.

Такое об'яснение будет, однако, совершенно неверным. Только в разгар гражданской войны, когда выяснилось, что она еще долгое время будет продолжаться, были окончательно оставлены всякие попытки к реформе государственных финансов, и только весной 1921 года, т.-е. как раз перед переходом к новой экономической политике, было решено окончательно уничтожить все денежные налоги.

До этих пор не прекращались попытки к реформе государственных финансов, в особенности в первое время Советской власти, когда Народным Комиссаром Финансов был тов. Гуковский.

Первые попытки к реформе государственных финансов в смысле прекращения эмиссионной политики, которая, несомненно, ложилась всей своей тяжестью на рабочих и крестьян, были сделаны еще в конце 1917 года.

Тогда проектировался, по инициативе тов. Ларина, целый ряд налогов на крестьянское хозяйство, которые могли бы дать, по предположению автора, значительные средства, но эти проекты было решено, по рекомендации тов. Ленина, прежде всего провентилировать перед лицом происходившего в это время крестьянского с‘езда. Представленные на с‘езде крестьяне были, однако, решительно против этих проектов, причем в особенности указывалось на недопустимость обложения земли, согласно недавно принятому основному закону о социализации земли, который заключал в себе пункт о запрещении всяких прямых или косвенных платежей за экспроприированную у помещиков землю. Так эти налоги и не были введены, а они могли бы дать известные средства и повести к уменьшению эмиссии.

В 1918 году была сделана новая попытка к реформе подоходного налога, который был введен в 1916 году и почти ничего не давал, благодаря тому, что поступления исчислялись в падающей валюте. Были введены новые чрезвычайно высокие ставки, но падение валюты с‘ело все эти попытки. Наконец, во второй половине 1918 года была испытана новая форма обложения, которая до тех пор вошла в употребление местных советов. Речь здесь идет об известном десятимиллиардном налоге, который взимался в форме контрибуции на имущие классы. Сумму в 10 миллиардов, по тому времени громадную, с самого начала вовсе и не предполагалось собрать целиком, но такие большие размеры были установлены, чтобы наибольшее количество поступало бы именно в пользу Центрального Правительства. Вся эта сумма была распределена между губерниями; губернии, в свою очередь, распределили между уездами. Всего было собрано около 2-х миллиардов рублей, сумма по тому времени очень большая.

В это же время был произведен целый ряд реформ в области бюджетного дела в смысле его упрощения, так как новые власти на местах лишь с большим трудом усваивали сложную бюджетную технику. К этому времени относится попытка регулировать курс нашего рубля на иностранных биржах. Интересно отметить, что в этот момент (в 1918 году) курс нашего рубля за границей был значительно выше, чем внутри страны.

Наконец, осенью того же 1918 года был выработан проект о натуральном налоге, который был утвержден, но на практике не применялся, так как фактически его заменила продразверстка—взимать налог еще помимо нее не было возможным.

Одновременно Наркомфином велась в это время борьба за повышение твердых цен, опять-таки с целью увеличения доходов государства, давших бы ему возможность прекратить эмиссию.

Однако, все эти попытки оказались безуспешными, попытки остановить работу печатного станка были разбиты все более и более

разгоравшейся гражданской войной, которая требовала громадного количества средств, которые не могли быть взяты никакими налогами.

Теоретически, конечно, можно было бы изобрести такие налоги, так как эмиссия откуда-то доставляла средства, но, в действительности, это было совершенно невозможно в атмосфере ожесточенной гражданской войны. Колоссальный недостаток эмиссионной системы представляет то обстоятельство, что она всей своей тяжестью ложится на рабочих и крестьян. Но она одновременно экспроприировала у буржуазии остатки ее прежних запасов, которые не могли быть отобраны у нее даже такими чрезвычайными мерами, как контрибуции и единовременный десятимиллиардный налог.

При этих налогах все-таки можно было скрыть имущество, но эмиссия, понижая ценность денег, одновременно лишала всякой ценности спрятанные буржуазией запасы, конечно, если они не были превращены в золото или иностранную валюту. Но запас того и другого в руках населения был сравнительно не велик. Поэтому фактически не понадобилась та мера, которая предлагалась тов. Лениным весной 1918 года, именно аннулирование денежных знаков прежних систем. Они были фактически аннулированы, и когда в конце концов уже в 1921 году эта мера была проведена, она имела только счетное значение, так как позволила разделаться с совершенно уже обесцененными деньгами.

С другой стороны, гражданская война требовала таких тяжелых жертв от населения, что уплата эмиссионного налога была далеко еще не самой тяжелой жертвой. Ставка была слишком велика, чтобы можно было говорить о временных лишениях.

Кроме того, в момент, когда буржуазные классы были целиком экспроприированы, когда вся торговля и вся промышленность и, наконец, все дома были национализированы, не оставалось больше никаких источников обложения, кроме обложения рабочих и крестьян, а эмиссия была самым легким техническим средством для этой цели.

Наконец, в это именно время, когда под влиянием эмиссии денежное хозяйство стало исчезать, и мы стали переходить к натуральному хозяйству, вопрос в теории ставился и разрешался совершенно иначе, чем в прежние времена. Как раз в это время сложилась и окрепла теория, что продразверстка и товарообмен представляют собой нормальную форму отношений между городом и деревней, причем вся эпоха получила название эпохи военного коммунизма. Таким образом, в это время обойтись без эмиссионной политики и, в особенности, перейти на новые рельсы упорядоченной денежной системы, после того как эмиссия досталась нам в наследство от империалистической войны, было совершенно невозможно.

И в действительности эмиссия сделалась одним из главных источников существования для Советской власти и особенно в первые годы.

Особенно тревожное состояние испытывали руководители финансового ведомства в первые месяцы Советской власти. Денежные затруднения были особенно сильны в первые же недели после Октября. Не хватало средств для уплаты жалованья рабочим; рабочие экспе-

диции заготовления государственных бумаг были настроены враждебно против Советской власти и пред‘являли всевозможные требования, грозя прекращением работы, а несколько дней подобной забастовки в эпоху первых дней Советской власти могли бы повести к чрезвычайно серьезным осложнениям и даже грозили ее существованию. Интересно отметить факт, о котором теперь многие совершенно забыли, а многие и вовсе о нем не знают, что в первые дни «правительство Смольного института», как называли тогда Советскую власть белогвардейцы, намекая на ее слабость, не имело даже денег на бумагу и чернила для Совета Народных Комиссаров. Деньги можно было получить в Государственном банке, но чиновники этого Банка бастовали, а младшие служащие, хотя и держали себя нейтрально, но именно для того, чтобы не вызвать их недоверия и, быть может, забастовки, приходилось считаться с их недоверчивостью. Был издан специальный декрет об ассигновании 10-ти миллионов для канцелярских нужд Совета Народных Комиссаров, была заказана специальная печать для вновь назначенного управляющего Госбанком тов. Осинского, этой печатью были опечатаны входы в кладовую, и тогда только эти 10 миллионов могли были быть выданы без всяких осложнений. И я хорошо помню, с каким торжеством первые 5 миллионов из этих 10-ти были привезены в помещение Совета Народных Комиссаров. Для расходования этих денег были выработаны специальные правила и поставлен специальный караул, куда входил один из счетчиков Госбанка. Теперь смешно вспоминать все эти подробности, но они хорошо характеризуют финансовые трудности Советской власти в первые дни ее существования.

Другой пример финансовых затруднений. Управляющий экспедицией заготовления государственных бумаг, покойный М. К. Лемке, впоследствии сделавшийся коммунистом, но бывший в это время эс-эром и при том довольно злостным, все время терроризировал Советскую власть, что по техническим причинам денег не хватит, что необходимо пустить в обращение в качестве денег облигации «Займа Свободы» в большом количестве, лежавшие в экспедиции. И, действительно, мелкие купюры этого займа, против которого во время его выпуска мы вели отчаянную агитацию, были выпущены в обращение и даже по номинальной цене. Одной из причин было то, что эти мелкие купюры принудительно распространялись среди служащих и рабочих, и из‘ятие их из аннулирования (декр. об аннулировании займа был принят ВЦИК‘ом 3-го января 1918 года) несколько облегчило положение этих слоев трудящихся.

Не меньшие затруднения испытывались и в провинции. В Москве, которая в то время еще не была столицей, первые 10 миллионов были взяты в порядке экспроприации и ареста управляющего конторой Госбанка, который не хотел давать денег без приказа из Петербурга, а в это время в Петербурге Совнарком сам сидел без денег. В других местах также возникали подобные затруднения. Но мало-по-малу эти технические трудности были преодолены, и печатание денег пошло усиленным темпом. При эвакуации из Петербурга выяснилось, что су-

ществуют новые образцы денег, заготовленные еще Керенским, именно на случай эвакуации из Петербурга. Они были эвакуированы в Пензу, где была оборудована новая типография для печатания дензнаков. Первоначально предполагалось, что эти новые деньги и будут выпущены для замены старых, которые предположено было вовсе из‘ять из употребления, с целью ущемления буржуазии (упомянутый уже проект тов. Ленина). Было заготовлено уже несколько миллиардов, но как раз в это время, в начале 1919 года, была восстановлена Советская власть на Украине, а дензнаков не хватало и для прежней территории.

На Украине в это время денег почти вовсе не было. Собственная типография давала очень мало, и ее не расширяли, так как предполагалось единство денежной системы, а Москва давала так мало, что требования комиссариатов удовлетворялись лишь в очень незначительной степени.

Странную картину представляло заседание украинского Совнаркома в момент прибытия денег из Москвы. Денег было чрезвычайно мало, и они распределялись после жестокой борьбы между комиссариатами. В конце концов, в Москве отказались от мысли проводить замену старых денег новыми, «пензенки» были выпущены в обращение, вместе со старыми дензнаками, и денежный кризис на некоторое время был ликвидирован.

Конечно, только на некоторое время. Рост территории в это время приводил к значительному увеличению требований на денежные знаки. Другие источники доходов за это время почти вовсе прекратили свое существование. И если в Москве еще обсуждался и утверждался бюджет, то это было простой и ненужной формальностью, от которой почти совершенно отказались в 1920 г., когда бюджет и вовсе не был утвержден. Дефицит (недостаток) в бюджете был огромный. За весь 1918 год дефицит составлял около 66,6%, за 1919 год—77,3%, за 1920 г.—86,9%, 1921 г.—84,1%.

Это, однако, только по утвержденным или не утвержденным предположениям, так как бюджет представляет собой обычно план хозяйства, перечень государственных доходов и расходов на определенное время, большей частью на 1 год. О действительном же положении вещей можно судить только по отчетным данным. Между тем в этой области дело обстояло у нас исключительно плохо. Для бюджетов 1918—1921 г.г. не только не существует окончательных отчетов о действительном исполнении сметных росписей, но нет и сколько-нибудь достаточных предварительных данных о поступлении государственных доходов и о производстве расходов. Поэтому очень трудно иметь действительное представление о бюджетах этого времени; повидимому, действительный дефицит был значительно больше, и в сущности можно сказать, что эмиссия являлась одним из самых больших источников доходов, хотя и далеко не самым главным, как мы увидим дальше.

Один из бюджетных специалистов попробовал сравнить эти бюджеты с бюджетом мирного времени. Получилась следующая таблица (в миллионах золотых рублей):

Годы.	Доход.	%% отн. к итогу 1913 г.	Расход.	%% отн. к итогу 1913 г.
1913	3.431,3	100	3.289,9	100
1918	199,7	5,8	549,6	17,6
1919	63,1	1,8	277,6	8,2
1920	19,4	0,5	147,8	4,4
1921	55,5	1,6	350,0	10,3

Отсюда получается, что, например, в 1920 году мы получили всего $^1/_2$% дохода мирного времени, а израсходовали менее $4^1/_2$. Сам составитель этой таблицы (С. А. Голованов) указывает, что такие результаты получились только потому, что все исчисления бюджетов 1918—1921 г.г. переведены в товарные рубли по одному общему для каждого года бюджетному индексу (указателю), составленному на основании вольных цен и потому совершенно неприменимому к сметным исчислениям, составленным на основании твердых цен. А каждый, вероятно, помнит, что твердые цены этого времени значительно, в несколько раз, отличались от вольных цен.

Кроме того, здесь далеко не учтены те очень большие доходы, которые мы получили от продразверстки (в 1921 г. от продналога), и, затем те предметы материального снабжения, как-то медь, уголь, дрова, мануфактура, промышленные продукты и полупродукты, которые распределялись, большей частью, бесплатно и которые, тем не менее, представляют огромную ценность. Доходы от эмиссии также не учтены в этих бюджетах, так как мы научились учитывать эмиссионный доход уже в более позднее время (да и то очень несовершенно). Поэтому сейчас трудно судить об относительном значении того или другого вида дохода. Несомненно, что доходы от налогов и другие нормальные доходы были еще меньше, чем это было исчислено в бюджетах, так как они поступали уже в чрезвычайно обесцененном виде. Эмиссия, несомненно, была одним из серьезных источников дохода. Вместе с тем очень важную роль играли доходы от продразверстки и продналога, а также доходы от предметов материального снабжения, все равно были ли они произведены вновь или взяты из старых запасов.

Однако, как об этом уже приходилось говорить, доход от эмиссии не мог быть все время поддерживаем на одном уровне и с каждым годом становился все меньше и меньше. Главные сливки с этого вида доходов были уже сняты царским правительством и правительством Керенского, и нам приходилось пользоваться уже остатками.

Насколько велики были наши доходы от эмиссии, можно видеть из следующих данных, исчисленных С. А. Фалькнером:

Средняя месячная	1916 г.	133,6	мил.	руб.	(довоен.).
» »	1917 г.	230,6	»	»	»
» »	1918 г.	39,8	»	»	»
» »	1919 г.	17,0	»	»	»
» »	1920 г.	9,4	»	»	»
» »	1921 г.	10,7	»	»	»

При этом здесь были очень большие колебания по отдельным месяцам. Так, по этим исчислениям больше всего было получено доходов от эмиссии в январе 1917 года, именно 677,4 мил. рубл. и меньше всего в июне 1921 года—только 2,8 милл. руб. (время голода в Поволжье).

Так как здесь исчислены средние месячные данные, то по ним можно вывести и среднюю годовую. При этом окажется, что реальная ценность эмиссии даст следующие цифры (в милл. довоенных рублей):

В	1916	году	—	1.630,6	мил. руб.
»	1917	»	—	2.766,6	» »
»	1918	»	—	467,5	» »
»	1919	»	—	204	» »
»	1920	»	—	102,8	» »
»	1921	»	—	128,4	» »

Разумеется, всем этим вычислениям, основанным на средних данных и вычисленных очень приблизительным путем, не следует придавать очень большого значения и их следует считать весьма и весьма приблизительными. Но все же они гораздо более близки к действительности, чем вышеприведенные данные С. А. Голованова, нереальность, абсурдность которых видна с первого взгляда. Если присоединить к доходам от эмиссии еще доходы от продразверстки и продналога и от материального снабжения, то в общем итоге получится цифра не менее 800—900 миллионов золотых рублей, в среднем за эти годы, что гораздо более близко к действительности, чем тот абсурдный вывод, будто в 1920 году мы получили всего $19^1/_2$ милл. рубл. дохода.

Мы не будем больше утомлять читателя вычислениями, так как, все равно, точные вычисления действительных доходов и расходов этого времени дать чрезвычайно трудно. Но, во всяком случае, важно здесь отметить одно: доход от печатания бумажных денег у Советской власти был сравнительно очень незначителен в сравнении с тем доходом, который получило от него царское правительство и правительство Керенского. С другой стороны, он, повидимому, вовсе и не был главным источником доходов, так как наряду с ним существовали другие, довольно обильные, источники. Поэтому нужно оставить басни о том, будто бы Советская власть жила исключительно за счет выпуска бумажных денег, будто бы она ввела эту систему и при ее помощи жила за счет неимущих слоев населения. На самом деле на эти рельсы, жить за счет выпуска бумажных денег, вступило царское правительство, при чем при помощи этой системы буржуазия и землевладельцы хотели получить для себя такие же высокие прибыли, какие получила буржуазия в капиталистических странах, которая неслыханно нажилась на войне. У нас же во время гражданской войны не было другого средства для того, чтобы окончательно экспроприировать буржуазию, а затем для того, чтобы получить кое-какие, сравнительно небольшие, источ

ники доходов, так как перейти на новые рельсы — на систему налогов—не было в это время никакой возможности. На Западе буржуазия нажилась за счет эмиссии, потому что, получая даже доход от военных поставок в форме бумажных денег, она быстро обратила их в твердые формы самыми разными средствами, иногда покупкой недвижимости, промышленных акций, займов, покупкой твердой иностранной валюты, переводом капиталов за границу; далее стремлением проценты по займам получать в твердой валюте, путем восстановления после войны ценности довоенных денег; если же этого не удалось сделать (как в Германии), то находит другие пути. У нас же, в Советской России, система выпуска бумажных денег окончательно экспроприировала все остатки прежних доходов у буржуазии. Для рабочих же и крестьян она явилась лишь временным лишением, без которого нельзя было обойтись во время гражданской войны, но которое немедленно после окончания этой войны уступило место другим, более для них выгодным формам.

ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА ПРИ НЭП'Е (ПЕРВЫЕ ШАГИ).

Новая экономическая политика привела к решительному повороту в этом отношении. Перед Советской властью встала задача чрезвычайной трудности, задача, над разрешением которой до сих пор безуспешно бьются многие страны Западной Европы—произвести денежную реформу, отказаться от эмиссионного налога, как очень тяжелого для рабочих и крестьян, в то же время ставшего невыгодным и для самого государства, доходы которого получались в обесцененных деньгах и потом все в меньших и меньших размерах, как мы видели, и перейти к твердой валюте. Задача эта потребовала чрезвычайно больших усилий, нескольких лет упорной работы, и только теперь, в 1924 году, мы находимся накануне разрешения этой труднейшей задачи. Мы уже видели, что в Советской России, где свергнута власть помещиков и капиталистов, эту задачу легче разрешить, чем в капиталистической стране, так как здесь не примешались своекорыстные элементы денежного капитала, страшно затрудняющие дело. Но это вовсе не значит, что у нас было легко перейти на новые рельсы, перейти после в конец испорченного в течение ряда лет денежного обращения к новой твердой валюте. Не нужно забывать, что после 4-х лет разорительной империалистической войны последовала такая же страшно разорительная гражданская война, голод, что в эти же годы произошла величайшая из революций, опрокинувшая все прежние отношения, весь строй насилия, державшийся веками и, наконец, что также чрезвычайно важно, мы все это время были почти отрезаны от других стран и только теперь цепь блокады, изолирующая нас от всего остального мира, начинает разбиваться и главнейшие капиталистические страны признали Советскую Россию, хотя мы находимся уже на 7-м году своего существования, и мы не только не получали до сих пор никакой по-

мощи от других стран, но повсюду были окружены врагами, готовыми нас задушить и каждый момент могли ожидать открытого нападения.

Разумеется, при таких обстоятельствах, провести денежную реформу является далеко не легкой задачей. Не нужно также забывать еще одного обстоятельства, в данном случае также играющего очень большую роль. За время военного коммунизма был почти совершенно разрушен финансовый аппарат, как банковский, так и налоговый, и требовалось не менее года времени для того, чтобы кое-как собрать и построить заново, на несколько иных основах, этот чрезвычайно сложный и хрупкий аппарат. Нужно еще сказать, что некоторое время было очень трудно нащупать новые пути, и первое время приходилось делать кое-какие ошибки, неизбежные в таком чрезвычайно сложном и трудном деле.

Финансовая реформа началась у нас в 1921 году с так называемой «деноминации». Эта мера, состоящая в переименовании денежных знаков, отсечении сперва двух, а затем еще четырех нулей, имела преимущественно счетное значение. Населению очень трудно было иметь дело с миллионами и миллиардами и, все равно, часто этим деньгам давались другие названия. Раньше всех деноминацию произвели московские извозчики, которые называли «рублем», то тысячу, то десять тысяч, то миллион; словом, очень быстро применялись к растущему обесценению денег.

В первый раз эта реформа была произведена в Туркестане еще в 1921 году. Как известно, Туркестан долгое время был отрезан от Советской России, и с ним не было никакого сообщения, иначе как по радио, в течение почти двух лет. Поэтому там стали печатать свои собственные бумажные деньги, совершенно не связанные с деньгами Советской России. При этом, если в наших центрах, Ленинграде и Москве, все-таки старались сдерживать несколько темп выпуска денег, считая, что чем больше печатается денег, тем меньше они стоят, и стремясь найти другие пути для повышения заработной платы, то в Туркестане ничего подобного не было. Там полагали, что денег печатать можно сколько угодно, и довели дело до того, что в ничтожном по количеству населения Туркестане было выпущено такое количество денег, которое было немногим меньше, чем во всей Советской России. Разумеется, население неохотно принимало эти деньги, и, когда в 1919 году впервые была установлена прочная связь с центром, то советские денежные знаки ценились гораздо выше обесцененных туркестанских денег. Поэтому было решено собрать известный запас центральных советских денежных знаков и затем произвести размен. Эта реформа была произведена в 1920 году, при чем туркестанские деньги можно было обменять на центральные советские дензнаки по курсу 10:1, т.-е. за 10 туркестанских рублей давали один советский. Население и ранее более высоко ценило советские дензнаки, и реформа прошла совершенно безболезненно.

Удачный туркестанский опыт привел к желанию произвести его уже в общесоветском масштабе, проделать ту же операцию. Осенью 1921 года было решено предпринять этот опыт.

По декрету 3 ноября 1921 года выпущены были в обращение, так называемые, «денежные знаки образца 1922 года», обозначенные по счету на рубль, равный 10.000 рублей всех ранее выпущенных образцов. Постановление Наркомфина от 1 апреля 1922 года предписало перейти с 1 мая 1922 года к счету на рубли образца 1922 года, а постановление Совнаркома от 28 июня 1922 г. назначило конечный срок выкупа денежных и расчетных знаков, выпущенных в обращение до 1922 года.

Когда дензнаки 1921 года были аннулированы, то это и явилось в сущности началом денежной реформы. По существу это явилось осуществлением плана т. Ленина об аннулировании всех прежних дензнаков, и эта последняя мера является уже большей, чем простой деноминацией, имеющей лишь счетное значение. Интересно отметить, что в Германии до самого последнего времени, до полного краха бумажной марки, считали на миллиарды марок, так что номер газеты в ноябре стоил, как уже было сказано ранее, 60 миллиардов марок. Ни о какой деноминации немцы и не думали, несмотря на явное неудобство такого счета на миллиарды. Дело здесь вовсе не только в названии, а в том, что до последнего времени немцы не могли сознаться в том, что их валюта обесценилась окончательно, считая это подрывом одной из основ буржуазного строя. Предполагалось, что ценность марки впоследствии поднимется, и первое время многие этому верили и этим поддерживали курс. Нам же нечего было стесняться в этом отношении, так как ценность денег упала гораздо раньше Советской власти, и аннулирование прежних дензнаков вовсе не казалось чем-то ужасным, как при буржуазном строе, а было одно время намечено, как одна из целей финансовой политики.

У трудящихся масс, как правило, нет больших денежных запасов и в особенности не могло их быть после войны, когда все средства, какие можно было достать, были мобилизованы для военных целей. Если же кто скрыл свои денежные запасы, то радеть об интересах таких спекулянтов Советской власти не приходилось. Поэтому это аннулирование прежних дензнаков явилось принципиально совершенно правильной мерой и притом вовсе уже не такой маловажной, как это обычно изображается. В сущности, здесь была не деноминация (переименование), а девальвация (обесценение), и я полагаю, что эти первые акты нужно считать за начало денежной реформы.

Некоторым недостатком первой деноминации представлялось то обстоятельство, что было отрезано только четыре нуля, а не три или шесть, и это представляло некоторые неудобства для счета. В самом деле вместо ста тысяч удобнее всего было бы дать новый знак в сто рублей, а здесь давалась 1.000 рублей. Этот недостаток был исправлен при второй деноминации, при введении дензнаков 1923 года, равных 10.000.000 прежних дензнаков и 100 рублям зна-

ков 1922 года. Эту реформу было еще легче провести, чем первую, и, в виду удобства счета, население с ней быстро освоилось. Она была введена в действие с 1 января 1923 года, и через некоторое время и знаки 1922 года были аннулированы. Таким образом, и здесь имеется элемент девальвации, но только девальвации не на золото или серебро, а на новые бумажки. Примеры подобных девальваций мы видим и в других странах (Австрия).

Но, несмотря на то, что значение этих мер обычно недооценивается, все же они не дали новой твердой валюты, и не могли сколько-нибудь значительно помочь нам выйти из финансового кризиса. Раз товарное обращение было доведено у нас до минимума, и мы перешли в значительной мере на натуральное хозяйство, раз дефицит (недостаток) в нашем бюджете дошел до того, что о нем можно говорить, как о кафтане мужика Федула, который, как известно, так прожег свой кафтан, что у него один ворот остался, раз вновь выпущенные дензнаки обесценивались еще сильнее прежних,—очевидно, еще нельзя было говорить о выходе из финансового тупика. Нужно было применить меры гораздо более решительные, чем те, которые применялись до сих пор.

Кроме деноминации была еще одна, и притом довольно неудачная, попытка улучшить наше денежное обращение, связанная больше всего с именем тов. Е. А. Преображенского. По предложению последнего было решено производить все платежи по особому курсу Наркомфина, устанавливаемому ежемесячно на 1-ое число каждого месяца. Предполагалось таким путем немедленно застраховать рабочих и служащих от обесценения денег. Однако, это было бы возможно сделать только в том случае, если бы удалось совершенно, или по крайней мере в значительной степени, освободиться от эмиссии, как от источника средств для государства. Из этой попытки ровно ничего не вышло, кроме того, что количество выпускаемых бумажных денег именно в 1922 году возросло в несколько раз. Правда, здесь действовали и другие причины. Новая экономическая политика требовала значительного повышения заработной платы, так как одним из ее принципов было восстановление личной заинтересованности в результатах своего труда, а на ту заработную плату, которую получали рабочие и служащие во время военного коммунизма, существовать было решительно невозможно. Тем не менее, значительно большее количество денежных знаков, которое стали получать рабочие и служащие, помогало очень мало, так как обесценение их как раз в это время пошло особенно быстрым темпом; выход же был найден в повышении пайков.

По данным С. А. Фалькнера время начала Нэп'а, примерно с июля 1921 года и до августа 1922 года, характеризуется необычайно резким, оставившим позади все представления о возможном ускорении темпа эмиссии во втором полугодии 1921 года и постепенном замедлении его в первом полугодии 1922 года. Месячный прирост всей находящейся в обращении массы бумажных денег составляет в

июле 1921 года 20%, в сентябре почти 30%, в ноябре 52% и в декабре 78,8%.

Другими словами, в декабре 1921 года было выпущено почти 4/5 того количества, которое было выпущено во все предыдущее время, начиная с войны.

Этот месяц в смысле роста эмиссии представляет собой самый большой прирост за все время, как при царизме, так и при Советской власти. Но если сравнить темп быстроты эмиссии у нас и в Германии, то рекорд останется за этой страной демократии и капитализма. Если у нас в декабре 1921 года был прирост за месяц 78,8%, то в Германии в июне 1923 года—102%, в июле—152%, в августе 1.420%, в сентябре 4.157%, другими словами, количество бумажных денег, выпущенных в течение одного месяца, было в 41½ раз больше того, что было выпущено за все предыдущее время. При этих условиях наша высшая точка—78,8% вовсе уже не так велика, тем более, что, уже начиная с 1922 года, замечается некоторое улучшение. Так, в январе 1922 года быстрота эмиссии достигает 72%, в феврале—мае 57—68%, в июне—августе 40,6—49,8%.

Высокие цифры этого времени об'ясняются, помимо указанной уже выше неудачной финансовой политики, условиями тяжелого неурожая и последовавшего за ним голода. Вследствие голода рыночных излишков было слишком мало, но, с другой стороны, новая экономическая политика развязала товарообмен между городом и деревней, создала возможность значительного расширения торгового оборота за счет старых запасов, за счет вовлечения в товарооборот тех частей производства, которые прежде на рынок не поступали, и, наконец, за счет расширения производства кустарной и ремесленной промышленности.

И если в 1921—1922 г.г. еще не были изжиты последствия голода, то уже с весны 1922 года, когда выяснились виды на хороший урожай, положение стало быстро улучшаться, и, начиная с сентября 1922 года, ежемесячное увеличение эмиссии составляет 30—35%. Как раз в это время начинают сказываться и плоды восстановления действия налогового аппарата.

Мне уже приходилось говорить о том, что со времени военного коммунизма, когда было решено (в начале 1921 года т.-е. как раз перед началом Нэп'а) вовсе отказаться от налоговой системы и отменить все налоги, финансовый аппарат пришел в упадок. Разумеется, большинство финансовых работников, в большинстве очень опытных и умеющих работать, разошлись по другим ведомствам. Распался весь финансовый аппарат, в основе своей созданный Витте, умевшим подбирать людей и не стеснявшимся при этом давать для своего ведомства особые повышенные ставки—Витте в свое время создал действительно на редкость хорошо подобранный и прекрасно работающий аппарат, лишь несколько испорченный при его преемниках. Правда, аппарат этот привык работать в условиях буржуазного строя, и вся психология этих царских чиновников была целиком приспособлена к этому строю. Поэтому в советских условиях нужно

было очень многое в этом аппарате переделать, но все же существует целый ряд вещей, особенно при новой экономической политике, для которых и эти исполнители старого строя оказывались вполне подходящими. К тому же, многие из них вполне могли, при известных условиях, приспособиться к изменившимся условиям.

Поэтому, после закрытия банков и казначейств, после разгона податных инспекторов и акцизных управлений во времена военного коммунизма—теперь, когда новая экономическая политика потребовала также новой финансовой политики, во многих чертах похожей (по крайней мере в том, что касается техники дела) на политику прежних времен, финансовому ведомству первое время пришлось очень туго.

Приходилось снова привлекать прежних работников, большею частью устроившихся в других ведомствах, искать новых людей, словом предстояла такая задача, которая, по мнению некоторых практических руководителей Наркомфина, требовала по крайней мере года времени. Наркомфин усердно принялся за исполнение этой задачи, но пока он ее выполнил, да и то не в полной мере (некоторый недостаток работников чувствуется и сейчас), прошло довольно продолжительное время. Этим и об'ясняется, что новая финансовая политика не сразу дала себя почувствовать и не скоро привела к созданию бездефицитного денежного бюджета и твердого денежного обращения.

Не следует забывать здесь и того обстоятельства, что это только старым чиновникам кажется, будто во времена военного коммунизма никакого бюджетного равновесия не было; на самом деле известное равновесие между доходами и расходами в действительности было, хотя целый ряд государственных потребностей удовлетворялся в очень слабой степени. Но наш доходный бюджет этого времени состоял преимущественно из натуральных доходов (разверстка, использование промышленных запасов) и отчасти эмиссии, причем доход от эмиссии все время падал. Поэтому, при новой экономической политике нужно было снова перейти от натурального хозяйства к денежному, а это было далеко не легким делом.

В самом деле, было бы совершенно невозможно при отмене продразверстки заменить ее не продналогом, а денежным налогом. С другой стороны, производство государственной промышленности, за отсутствием рынка, крайне трудно было учесть в денежной форме. Тем не менее, желание учесть все денежные и натуральные доходы государства было так велико, что была сделана попытка об'единить все государственные доходы и расходы—денежные и материальные—в едином государственном бюджете. Таким путем был создан знаменитый единый бюджет 1922 года, представленный т. Е. А. Преображенским на утверждение т. Ленина и, к сожалению, получивший это утверждение.

Я говорю—к сожалению, потому что соединение в этом бюджете натуральных и денежных доходов, причем доходы от государственной промышленности были в него включены целиком, привело к

такой путанице, что, когда бюджет был составлен, никто не смог в нем разобраться, кажется даже и его составители. Поэтому, этот уже утвержденный бюджет никакого применения не получил, а вместо него был составлен новый бюджет, куда доходы от государственной промышленности входили только в виде включения в него разницы между доходами и расходами, а так как наша государственная промышленность была дефицитна, то, вернее, в виде фондов на субсидию государственной промышленности. Что же касается натурального налога, то он до сих пор остался в государственном бюджете и вносит большие затруднения в смысле его учета. Дело в том, что очень трудно учесть действительную стоимость налога. Если считать по тем ценам, которые устанавливались во время взыскания налога— цифра будет одна, если же считать, что более правильно, по тем ценам, какие устанавливаются на рынке во время использования полученного натурального налога, то цифра получается совсем другая. До сих пор финансисты еще никак не могут учесть действительный доход от продналога. Насколько же трудней было учесть все другие натуральные доходы от государственной промышленности, когда цены многих предметов невозможно точно установить, так как они не продаются на рынке. Не удивительно поэтому, что эти трудности, которые не встречаются ни в одном государстве, так как нигде нет национализации всей крупной промышленности, оказались так велики, что пришлось составить бюджет на совсем других основаниях, более близких к бюджетам прежних времен.

Однако, создавать бюджет, учитывать доходы и расходы в колеблющейся валюте, очень трудно. Народный Комиссар Финансов т. Сокольников говорил по этому поводу следующее: «Я, прежде всего, должен сказать, что самая возможность государственного бюджета дается ровно в такой степени, в какой упорядочивается наше денежное обращение. Бюджет есть план, который должен составляться на год вперед, но составление плана на год вперед возможно в действительности только в том случае, если более или менее реальна (действительна) та валюта, в которой должен исполняться этот план. И когда в 1922 году, осенью, была сделана попытка составить первый бюджет, она разбилась о полнейшую неупорядоченность нашего денежного обращения. Ни одной сметы не могли сделать, ни один расход не мог быть высчитан, потому что ни одна цена не могла быть установлена. Мы находимся в состоянии полнейшего хаоса. Мы боролись с ним в течение двух лет, и теперь, несмотря на то, что целый ряд трудностей еще не разрешен и до сих пор, финансовый хаос нас обступает со всех сторон, некоторые материальные контуры выступают из этого океана финансового хаоса».

Какие же меры были предприняты для преодоления этого хаоса, кроме упомянутой уже выше деноминации, которая по самому существу своему не могла дать значительных результатов? Положение, действительно, было чрезвычайно трудное. Совершенно ясно, что для упрочения денежного обращения нужно было упорядочить государ-

ственный бюджет, а для того, чтобы государственный бюджет был действительно бюджетом, планом хозяйства, а не арифметическим упражнением, нужна была твердая валюта. Получался заколдованный круг, и, действительно, выйти из него было очень трудно.

Но тем не менее, новая экономическая политика определенно требует упорядочить финансы. Выход мог бы быть найден в иностранной помощи. На Генуэзской конференции этот вопрос обсуждался. Мы, в обмен за признание довоенных долгов, выставили требование большого иностранного займа, который сразу дал бы нам возможность упорядочить денежное обращение, закрыть дыры в бюджете. Однако, западные державы отнеслись с сомнением к нашей будущей кредитоспособности, не верили, что таким путем может быть быстро упорядочена финансовая и экономическая политика и будут открыты пути для экономических сношений с Западом, и желали просто превратить Советскую Россию в свою колонию, ничего не давая ей взамен.

Приходилось обходиться своими собственными силами, и если, с одной стороны, дело восстановления облегчалось тем, что не нужно было удовлетворять жадные интересы собственников, которые во всех странах Запада так мешали восстановлению финансов, то, с другой стороны, полная почти блокада и нежелание прийти на помощь Советскому государству, хотя бы в виде небольшого займа, разумеется, очень затрудняли дело финансового восстановления.

УСЛОВИЯ ПРОВЕДЕНИЯ ДЕНЕЖНОЙ РЕФОРМЫ.

Для того, чтобы создать твердую валюту и выйти из финансового хаоса, необходимо было выполнить следующие условия:

Во-первых, необходимо, чтобы государственным расходам соответствовали доходы, т. е. нужно сбалансировать бюджет, о чем уже шла речь. Во-вторых, нужно покончить с остатками натурального хозяйства, так как, применяя натуральное обложение, Советское государство бойкотирует свою собственную валюту и препятствует развитию товарного оборота. В-третьих, необходимо, чтобы наши платежи за границу за ввозимые к нам товары были вполне покрыты нашим вывозом или какими либо другими доходными статьями, словом, нужно иметь активный платежный баланс, как это было уже выяснено раньше, при обсуждении денежной реформы Витте.

Но, что является самым важным, основным условием, при отсутствии которого невозможно и исполнение вышеперечисленных трех условий— это восстановление производства, это возможно большее увеличение количества производимых товаров. В самом деле, на что мы жили во время империалистической войны, когда почти все производство и весь привоз из-за границы шли на военные нужды и в буквальном смысле взлетали на воздух? Для всякого теперь ясно, что мы жили за счет старых запасов производства и за счет крестьянского хозяйства.

В эпоху гражданской войны мы жили за счет остатков старых запасов, за счет продажи старых сапог, как выразился один экономист, и за счет сокращающегося производства крестьянского хлеба.

В эпоху военного коммунизма мы не сумели начать восстановление производства по целому ряду причин, хотя и ставили себе эту задачу, и потому принуждены были перейти к новой экономической политике. Основной смысл этой политики заключается в увеличении количества производимых продуктов, а без такого увеличения невозможна и финансовая реформа.

В самом деле, исполнение первого условия — сбалансировать бюджет, покрыть расходы соответствующими доходами—требует правильной налоговой политики, требует того, чтобы известная часть продуктов производства и рабочих и крестьян шла на общегосударственные нужды, следовательно, чтобы они производили больше продуктов, чем это нужно для удовлетворения собственных потребностей. В эпоху военного коммунизма также брали часть продуктов на общественные нужды. Но очень часто это были остатки прежних запасов, правильного пополнения которых наладить не удалось. Жить же одними запасами до бесконечности было нельзя. Система эмиссии выдергивает совершенно беспорядочно и произвольно известную часть запасов у рабочего и крестьянина и создает полную неопределенность и необеспеченность их труда.

Правильно организованные налоги также берут часть продуктов труда на общественные нужды, но берут определенную долю, не меняясь по произволу каждый месяц, иногда каждую неделю, или каждый день. И если система эмиссии, как бы специально приспособлена для из‘ятия старых запасов, то когда производство идет правильно и количество производимых продуктов возрастает, налоговая система из‘емлет часть этих вновь производящихся продуктов. Поэтому эмиссия обыкновенно связана с падающим производством, а правильно организованная система налогов—с налаженным и повышающимся производством.

Что касается второго условия—замены натурального налога денежным, то и здесь дело до известной степени связано с расширением производства.

Натуральный продовольственный налог, несомненно, в этом смысле связан с расширением производства и представляет громадный шаг вперед в этом отношении с системой продразверстки, когда часто брались и старые запасы, нередко необходимые для крестьян, когда, по образному выражению одного крестьянина на С‘езде Советов, «штык по закромам ходил», и крестьянин не был заинтересован в расширении производства, что привело к сокращению площади запашки. Введение натурналога значительно облегчило положение крестьянства и повело к увеличению площади запашки, так как крестьянин был теперь, несомненно, более заинтересован в результатах своего труда. Однако, взимание налога в натуральной форме является стеснительным для крестьянина, так как ему было бы гораздо удобнее продать производимые им продукты в то время,

когда он считает для себя более удобным, ему приходится теперь везти свои продукты к определенному пункту, иногда очень далеко, тогда как сдача налога в денежной форме в значительной степени развязывает ему руки. Кроме того, многие крестьяне заняты всевозможными подсобными промыслами, и сдача обязательно хлебных продуктов для них чрезвычайно стеснительна. Правда, для облегчения крестьянства специально были выпущены два хлебных займа, имевшие очень большой успех, особенно второй хлебный заем, так как первый еще не успел, за недостатком времени, проникнуть в толщу крестьянства. Но, разумеется, самой удобной для крестьянства является денежная форма, особенно если деньги не являются колеблющейся валютой, а их можно постепенно накопить для уплаты налога по мере продажи продуктов. Поэтому введение твердой валюты, основанное на расширении продуктов крестьянского труда, в свою очередь, поведет к дальнейшему его расширению.

Наконец, что касается третьего условия, то ясно, что вывоз товаров за границу возможен только в том случае, если товаров производится больше, чем необходимо для внутреннего потребления.

Таким образом денежная реформа неизбежно связана с расширением производства и, в свою очередь, является могучим фактором его нового расширения. Поэтому все денежные реформы проводились у нас, как мы уже видели, обычно в мирное время. В военное время эмиссия высасывала не только обычные ежегодные излишки, но и то, что было накоплено, иногда в течение довольно продолжительного времени, а мирное время вызывало, ясно, рост производства, увеличение количества товаров и этим значительно облегчало денежные реформы, для успеха которых необходимо, чтобы количеству выпущенных денег соответствовало определенное количество товаров. Но если вообще мирное время способствует упорядочению денежного обращения, то тем более это относится к теперешнему времени, когда величайшая в мире революция смела остатки крепостнического строя и расчистила пути для развития производительных сил страны.

ПОДГОТОВКА ДЕНЕЖНОЙ РЕФОРМЫ (ПЕРЕХОД К СЧЕТУ НА «ДОВОЕННЫЕ РУБЛИ»).

После того, как выяснилось общее направление финансовой политики, чрезвычайно важно было сделать конкретные шаги в этом направлении. Один из этих конкретных шагов—деноминацию—мы уже изучили и знаем, что она только несколько расчистила почву, покончив с остатками прежних денежных систем, но не привела, да и не могла привести к существенному улучшению денежного обращения, так как не заключала в себе никаких гарантий против дальнейшего увеличения эмиссии.

Едва ли также очень большое значение имеет система установления курсов, о которой мы вскользь уже упоминали и которая

заслуживает более подробного рассмотрения, тем более, что она и в данный момент не вполне утратила свое значение. Попытка создания, так называемых, индексов (указателей) в последнее время получила большую популярность не только у нас, но и в капиталистических странах, где денежное обращение также в значительной степени потеряло свою устойчивость. Интересно отметить, что даже в странах с золотой валютой возникала мысль о создании искусственной денежной единицы, курс которой был бы еще более устойчивым, чем курс золота, который как раз за последние годы проявляет очень сильные колебания и сильно отличается от довоенного курса золота (приблизительно на одну треть в настоящее время). Отсюда становится понятным, что мысль о создании устойчивой денежной единицы «идеального товарного доллара», возникла у известного американского экономиста Ирвинга Фишера, которым предложен следующий проект:

Вместо золотых монет в обращение выпускаются золотые сертификаты (свидетельства), разменные на золотые слитки. Если покупательная сила золота упадет на 1%, т. е. с 25,8 до 26,05 грана, то тогда, следовательно, владелец золотого сертификата получил бы в общем на него уже не 25,8, а 26,05 гран. При повышении покупательной силы золота, образ действий должен был бы быть обратный. В результате мы имеем идеальную денежную единицу, с меняющимся количеством золота, но с постояннной покупательной силой.

Против подобной системы может быть выдвинуто возражение, что если меняется курс золота, то ведь меняется и курс отдельных товаров, который, как мы знаем, колеблется в своей цене в общем гораздо больше, чем золото, представляющий из себя один из наиболее устойчивых товаров. Ирвинг Фишер выставляет против этого то соображение, что если курс отдельных товаров может колебаться, то курс нескольких товаров, взятых вместе, представляет из себя устойчивую величину. Он приводит в защиту своих положений сравнение, что если идет по дороге один пьяница, то он непременно упадет, а если их идет несколько, то они будут поддерживать друг друга.

Сравнение это может быть и остроумно, но едва ли верно, так как мы знаем, что в экономической жизни бывают такие потрясения, что не только пьяница, но и самый трезвый товар не выдержит, и они могут полететь все вместе в одном направлении.

Проект этот обсуждался в конце 1920 года на совещании американских банковских деятелей и был целиком отвергнут в виду его практической неосуществимости и в виду того, что если бы этот план осуществился, то он содействовал бы отливу золота заграницу и потому нанес бы ущерб американской валюте.

Тем не менее, мысли Ирвинга Фишера получили широкое распространение и оказали некоторое влияние даже и на нашу экономическую политику, хотя для всякого ясно, что этот проект основан на теориях, весьма далеких от марксизма. Самой слабой

стороной его является то, что все эти индексы, указатели цен различных товаров представляют из себя чрезвычайно условную величину. Если мы возьмем один набор товаров, положение будет одно, если переменим его, оно может измениться самым радикальным образом.

За примерами ходить далеко не нужно. Всем известно, что в тех странах, где эти индексы представляют из себя средство для регулирования заработной платы (как в последнее время в Германии) они представляют из себя самое бессовестное надувательство рабочего класса, так как составляются всегда с опозданием, что имеет чрезвычайно большое значение при быстро растущей дороговизне, и затем, список учитываемых товаров подбирается всегда таким образом, что он фактически ведет к значительному уменьшению заработной платы.

Но если даже индекс составляется при условии власти рабочих масс, как у нас, тем не менее, он бессилен дать действительно точную картину действительности. Особенно трудно было учесть действительную картину отношения у нас, в Советской России, благодаря тому, что время увлечения «довоенными золотыми рублями» началось у нас тогда, когда у нас фактически не было рынка, и цены определялись самым случайным образом. Затем, как раз это время совпадает с моментом голода и чрезвычайно резкого под'ема цен на хлеб и другие сельско-хозяйственные продукты, а во многих индексах цены на хлеб имели преимущественное значение. В других они имели несколько меньшее значение и получалась совершенно нелепая картина. В то время, как сторонники одного индекса оценивали наши доходы за определенное время в 1.000 руб., другие оценивали их в 5.000, т. е. в пять раз больше. При таком разногласии трудно говорить о действительном точном учете.

Впоследствии это дело несколько урегулировалось, и у нас получились следующие основные индексы: индекс Госплана, индекс Коньюнктурного Института и индекс специальной Котировальной Комиссии.

При этом первый из них учитывает величину, так называемого, «товарного рубля», исходя из цен различных продуктов, тогда как второй ориентируется (опирается) на цену золота и основан на несколько отличных началах. Но мы уже знаем, что цена золота со времени войны также изменилась, соотношение между товарами постепенно меняется, и также недавно мы были свидетелями грандиозного перелома цен—сильного падения цен на сельско-хозяйственные продукты и сильного повышения на продукты промышленности, что дает в результате знаменитые «ножницы». Кроме того, чрезвычайно важно, за какое время учитываются цены, велико ли здесь опоздание в получении сведений и т. п. Поэтому ни тот, ни другой индекс, даже теперь, когда они являются перед нами, в значительно усовершенствованном виде, не могут претендовать на безусловную точность. Мало того, совсем недавно мы видели, что меняются самые способы исчисления.

В № 50 «Вестника Финансов» за 1923 год мы читаем: «Мы не будем повторять здесь всех тех соображений, которые были в свое время выставлены против товарного рубля, стоит хотя бы вспомнить весьма интересные доводы т. Сокольникова.

Необходимо лишь отметить, что истекший хозяйственный год еще раз доказал всю несостоятельность системы индексов не только в отношении статистики (т.-е. изучение современного положения), но и динамики (изучения развития). В весьма обстоятельной статье т. Лифшица приведены разительные примеры расходимости различных индексов из месяца в месяц. Изменение системы взвешивания общетоварного индекса Госплана, когда вес промышленных товаров был повышен с 50% до 75% тотального (совокупного) индекса, а вес сельско-хозяйственной продукции (производства) понижен с 50% до 30%, еще лишний раз доказал всю научную сомнительность «индексной методологии» (науки об указателях цен). Эти изменения, кстати сказать, делают совершенно несравнимыми данные общетоварного индекса Госплана до 11 августа и после, что не мешает нашим «индексникам» спокойно и без оговорок говорить о динамике (движении) цен за весь период (время) в целом, хоть по существу это почти то же самое, что сравнивать движение цен 5-ти аршин ситца и 5-ти пудов хлеба до 11 августа 1923 года и 7 аршин ситца и 3 пудов хлеба после 11 августа».

Поэтому та мысль, которая одно время серьезно возникала у руководителей Наркомфина — заменить обесценившийся бумажный рубль особым счетным золотым довоенным рублем—едва ли может считаться особенно удачной, и т. Сокольников был совершенно прав, когда он отказался поставить во главу угла счет на золотые довоенные рубли, при котором они получили бы другое, гораздо более ограниченное применение. Мы уже видели, что исчисления бюджетов за 1920—1921 годы в довоенных рублях приводят к явно неверным выводам. Тем не менее, когда система этих исчислений была исправлена, ею можно было пользоваться для предположительных бюджетных исчислений.

Если, как мы уже видели, первый «жесткий» бюджет 1922 года, попытавшийся включить в себя все материальные и нематериальные элементы (части) оказался к жизни непригодным, то заменивший его, так называемый «ориентировочный» бюджет [1] был составлен также в довоенных рублях. Но этим рублям уже не придавали такого значения, как прежде; наряду с этим бюджетом, на каждые три месяца составлялся другой, т. н. квартальный бюджет (т. е. составленный по четвертям года) уже в советских рублях. И, конечно, этот бюджет был более близок к действительности, так как он был составлен из действительных, проверенных жизнью, а не воображаемых, величин.

Здесь пользование довоенными рублями имеет другое, гораздо более ограниченное значение. Здесь довоенный рубль не желает уже

---

[1] Ориентироваться, значит буквально, определить восток и, следовательно другие части света, разобраться в окружающей обстановке.

стать новой денежной единицей по американскому образцу Ирвинга Фишера, дух которого, по образному выражению т. Сокольникова, одно время незримо веял над Наркомфином, а имеет совершенно другое, исключительно счетное значение. В самом деле для сравнения, например, двух бюджетов между собой совершенно невозможно пользоваться очень быстро обесценивающимся бумажным рублем,—на нем далеко не уедешь, но это вовсе не значит, что довоенный рубль может заменить недостающую твердую валюту [1].

ПОДГОТОВКА ДЕНЕЖНОЙ РЕФОРМЫ (БОРЬБА ЗА УМЕНЬШЕНИЕ ДЕФИЦИТА).

Мы уже видели, что для создания твердой валюты нужно было очень много поработать. Одним из таких условий было создание бездефицитного бюджета, нужно было во всяком случае свести этот дефицит к наименьшим размерам. Для этого нужно было прежде всего заново создать финансовый и в частности налоговой аппарат и наладить взимание налогов.

Стремление к бездефицитному бюджету является с середины 1921 года основным стремлением всей бюджетной работы Наркомфина. При этом работа по устранению дефицита велась Наркомфином одновременно в нескольких направлениях, а именно: путем восстановления доходной части за счет введения всеобщей платности и широкого использования налоговой системы, а также путем сокращения расходов на административный аппарат и оборону, снятия с бюджета хозяйственных операций государства, с переводом предприятий на так называемый хозяйственный расчет и восстановления деления бюджета на государственный и местный, с передачей местному бюджету известной части государственных расходов.

Декрет ВЦИК от 19 октября 1921 года положил начало этому новому периоду. В этом декрете «О порядке составления финансовых смет. доходов и расходов на 1922 год» было прежде всего решено покончить с прежним бесплановым методом бюджетного хозяйства. В основу его было положено стремление согласовать расходы с теми действительными средствами, которые государство могло рассчитывать получить от страны в течение года, в том числе и путем эмиссии бумажных денег.

Этих мер оказалось, однако, недостаточно, и мы уже видели, что составленный на основании этих правил бюджет 1922 года приходилось несколько раз переделывать и сокращать. Тем не менее эти основные правила имеют очень важное принципиальное значение.

В частности чрезвычайно важное значение имеет введение принципа всеобщей платности. Во времена военного коммунизма все более

---

[1] Во время печатания книги, вслед за советскими дензнаками погибает и товарный рубль.

и более распространялся совершенно противоположный принцип: тогда переходили к полной бесплатности всякого рода государственных услуг. Была введена бесплатная пересылка писем, почти бесплатная перевозка по железным дорогам и даже бесплатная раздача хлеба всему населению. Но это привело к страшной перегруженности почты, к почти полной невозможности урегулировать пассажирское движение, особенно при страшном недостатке топлива и очень большим недостаткам подвижного состава, который не было средств починить. Словом, при значительном увеличении стремления к пользованию государственными услугами, совершенно не было средств для поддержания и восстановления государственных предприятий. Какое громадное значение имело восстановление платности в смысле регулирования потребления, можно видеть на самом простом примере. Когда была введена платность за пользование парикмахерскими, то в бесплатной парикмахерской ВЦИК'а резко изменилось количество посетителей. Те лица, которые брились каждый день, стали бриться два-три раза в неделю, стричься вместо одного раза в неделю раз в месяц и реже. Этот простой пример ясно показывает, что удовлетворение всех потребностей всех граждан требует таких сил и средств, которых у нас после страшно разорительных войн не было и не могло быть. Нужно было как-то регулировать потребление, и восстановление платности было несомненно одним из лучших средств, особенно если оно было связано с одновременным повышением заработной платы.

Что касается железнодорожного транспорта, то здесь вопрос еще более сложен. Транспорт в царское время давал несколько сот миллионов золотых рублей. Правда, этим доходам соответствовали приблизительно такие же расходы, но значительная часть этих расходов заключалась в платежах по железнодорожным займам, которые теперь отпали.

Железнодорожное хозяйство при царском режиме велось в общем довольно плохо, и транспорт давал дефицит, который только в последние годы сменился некоторым избытком. Поэтому, возможность бездефицитности у нас, когда отпала необходимость оплаты капиталов, значительно больше, чем при царском режиме, и введение платности уже в данный момент (в начале 1924 года) приводит к очень утешительным результатам, о которых более подробно еще придется говорить дальше.

Сокращение расходов на содержание административного аппарата также может достигнуть довольно больших размеров и дать очень хорошие результаты. В эпоху военного коммунизма у нас накопилось невероятное количество чиновников; все эти, так называемые советские служащие работали очень плохо и увеличивались все время в своей численности.

Новая экономическая политика привела к значительному увеличению жалованья служащим, но зато потребовала от них настоящей работы. Это дало возможность немедленно приступить к значитель-

ному сокращению штатов, и это сокращение еще не закончилось. Несомненно, что и в царское время количество служащих было слишком велико, но так как за времена военного коммунизма оно еще увеличилось в несколько раз, то поле деятельности для сокращения очень велико. В своих последних статьях т. Ленин поставил этот вопрос о сокращении и удешевлении нашего государственного аппарата, и это дело теперь на верной дороге.

Большое значение далее имеет для упорядочения нашего государственного хозяйства восстановление местного бюджета. Места легче, чем центр, умеют использовать доходные источники, им легче удовлетворить ту или другую местную потребность, хотя бы и имеющую общегосударственное значение. Особенно тогда, когда население отвыкло от всяких налогов, введение налогов на нужды, близкие населению, пройдет гораздо безболезненнее, чем введение общегосударственных налогов для таких потребностей, которые не так понятны местному населению, чем его непосредственные нужды. Кроме того, места лучше знают экономическую жизнь своего края, и им легче найти такие доходные источники, о которых центр иногда и не подозревает. Поэтому в 1922 году и позднее целый ряд расходов был перенесен из государственного бюджета в местный, при чем местам были переданы и некоторые источники доходов. Опыт показал, что местные советы, которые первое время были несколько подавлены неожиданно свалившейся на них тяжестью, очень хорошо в общем справились со своей задачей, и им в некоторых местах раньше удалось сделать свой бюджет бездефицитным, чем центральному Советскому Правительству. Правда, в общегосударственном бюджете существует довольно значительный, так называемый, дотационный фонд, т. е. средства для помощи местным советам, но эта мера необходима, в виду неравномерности средств местных советов. И эти субсидии будут сокращаться по мере того, как места будут сами становиться на ноги.

В общем же эта мера—воссоздания местного бюджета, дала очень хорошие результаты и значительно нас приблизила к созданию бездефицитного бюджета и, следовательно, к возможности установления твердого денежного обращения.

Наконец, чрезвычайно большое значение для этого имело и снятие с государственного бюджета хозяйственных операций и перевода их на хозяйственный расчет. Наш бюджет значительно отличается от бюджета прежних времен как раз тем, что он включает в себя гораздо большее количество хозяйственных операций. Национализация всей крупной и части средней промышленности представляет собой явление, еще не виданное в истории. И когда необходимо было точно учесть все доходы и расходы государства, то возник вопрос, должны ли все государственные предприятия быть включены в один общегосударственный бюджет со всеми их доходами и расходами, или же их следует выделить отдельно, а в государственный бюджет вносить только разницу между доходами и расходами (так называемое сальдо).

Мы уже видели, что этот вопрос не мог быть решен сразу. Одно время была сделана попытка слить все доходы и расходы, включая сюда и доходы и расходы от национализированной промышленности в едином государственном бюджете, но потом от этой мысли отказались, потому что это значило бы смешивать совершенно различные группы доходов и расходов. Правда, в государственном бюджете все же остались пути сообщения, почта и телеграф, но они были и в прежнем бюджете, и удержание этих предприятий на практике вполне допустимо, хотя некоторое обособление этих предприятий совершается не только у нас, но и в Западной Европе. Однако, всетаки и доходы и расходы по путям сообщения, почте и телеграфу вносятся в общегосударственный бюджет.

Совсем другое дело, если в государственный бюджет вносятся все доходы и расходы от всей национализированной промышленности. Если, например, в железнодорожный доход вносятся доходы от перевозки государственных грузов, то это еще полбеды. А расчеты промышленности между собой до такой степени сложны, что отражение их всех в государственном бюджете способно привести не только к теоретической, но и к практической путанице. К тому же государство должно само назначать цены на продукты, которые вовсе не имеют рыночной цены и идут для нужд другой промышленности. Поэтому высокие цены для добывающей промышленности сделают ее прибыльной, но простая перемена цен, часто вовсе не связанная с реальной жизнью и представляющая собой продукт чисто отвлеченной калькуляции (вычисления), приводит уже к тому, что добывающая промышленность будет убыточна, а обрабатывающая прибыльна. Поэтому на практике, об'единение в едином бюджете всех доходов и расходов ведет к страшной путанице, в которой не могут разобраться даже самые опытные специалисты. Это и привело к неудаче первого бюджета 1922 года и к выделению из госбюджета всех промышленных предприятий.

Помимо этого, перевод предприятий на хозяйственный расчет имеет и другое чрезвычайно важное практическое значение. Если, например, нефтяная промышленность выделена совершенно отдельно и она дает дефицит, то здесь гораздо легче определить причины этого и принять соответствующие меры, чем для всей промышленности в целом. Иногда это зависит от слишком большого штата, иногда от неправильного назначения цен для продуктов промышленности, но во всяком случае все эти вопросы гораздо легче решить для каждой отрасли промышленности в отдельности. Таким путем легче устранить недостатки и сделать промышленность бездефицитной. Между тем, дефицит в нашем государственном бюджете происходит именно потому, что в госбюджет включены расходы на субсидии (пособия) промышленности. Правда, в последнее время целый ряд отраслей промышленности сделался бездефицитным и даже стал приносить некоторую прибыль, но все же пока именно этот промышленный дефицит является основной причиной дефицитности нашего бюджета. Разумеется, устранение этого дефицита связано с

общим состоянием нашего народного хозяйства, которое все еще не может изжить издержки войны и революции, но все же перевод предприятий на хозяйственный расчет имеет чрезвычайно большое практическое значение и значительно помогает изживанию последствий разрушения.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ.

Что касается общебюджетного дефицита, то изживание его связано прежде всего с восстановлением налоговой системы. Взимание денежных налогов было приостановлено в начале 1921 года и только с сентября этого же года денежные налоги начинают оживать. Первым был введен промысловый налог, затем последовал ряд косвенных налогов, таможенных пошлин и ряд мелких пошлин.

В 1922 году были введены два общегражданских налога и, наконец, весной 1923 года был введен подоходно-поимущественный налог. Одновременно последовало широкое развитие систематических налогов и сборов.

Первым налогом является промысловый налог на торговлю и промышленные предприятия. Он был приспособлен к создавшейся в это время обстановке, когда, с одной стороны, население совершенно отвыкло платить налоги, а с другой, когда приходилось этот налог, как и все другие, взыскивать в падающей валюте. Поэтому он был разработан в довольно грубой форме, которая соответствовала и общему строению торговой промышленной жизни в это время. Центр тяжести был положен в патентном обложении, но на ряду с ним был введен, в наиболее крупных городах, так называемый, уравнительный сбор, учитывающий, хотя и очень несовершенно, оборот предприятия и, следовательно, его доходность. Сумма патентного сбора, затем, засчитывалась в уплату уравнительного сбора. При этом, ввиду того, что торговля и промышленность в то время только еще стала становиться на ноги, деление предприятий по разрядам было проведено в очень грубой форме. Главное внимание было обращено на базарную и рыночную торговлю, вся же оседлая торговля, производимая из постоянных помещений, производилась по одному и тому же разряду. Но уже через полгода оказалось возможным ввести гораздо большее деление предприятий на разряды, было введено пять разрядов торговых предприятий, 12 промышленных и 3 разряда на личные промысловые занятия. Однако, уравнительный сбор был сохранен, так как перейти к обложению прибыли или чистой доходности не представлялось возможным по техническим условиям.

Затем, в начале 1923 года, промысловое обложение было еще раз преобразовано в смысле еще большего усложнения и большего приближения к возможно более точному учету доходов. Обложению промысловым налогом подлежат не только частные, но и государственные кооперативные предприятия. Это было сделано потому, что

желательно было поставить государственные кооперативные предприятия в одинаковые условия, чтобы они сумели развить свою деятельность не хуже частных предприятий. Впоследствии были введены некоторые изменения в обложении государственных предприятий и даны определенные льготы для кооперативных предприятий.

Мы здесь останавливаемся так долго на промысловом налоге потому, что он явился краеугольным камнем прямого денежного обложения и поставил на твердую почву все дело прямого обложения и, следовательно, имел большое значение и для подготовки реформы денежного обращения.

Так называемый общегражданский налог был введен сначала в пользу голодающих, затем был повторен, как налог для нужд сельского хозяйства. Введение этих налогов имело большое значение, так как они должны были сыграть роль пробного камня в отношении широких масс населения, отвыкших от платежей налогов и в отношении проверки работы налогового аппарата, которому нужно было справиться с громадным количеством плательщиков. Оба эти налога оказались довольно удачными, дали сравнительно большие результаты и расчистили почву для введения подоходно-поимущественного обложения.

Введение подоходного налога в стране падающей валюты представляет чрезвычайно большие трудности. Мы знаем, что в 1922 и 1923 годах в Германии подоходный налог превратился в каррикатуру, в уродливый тип обложения, который ложился всей своей тяжестью на рабочих и служащих, но почти ничего не брал, а иногда даже служил источником дохода для капиталистов, которые являлись собирателями этого налога. Они производили вычеты из заработной платы ежемесячно, а сами вносили налог раз в год, когда вносимые суммы уже совершенно обесценивались.

У нас в России подоходный налог введен впервые только в 1916 году, но именно благодаря быстрому обесценению денег из него ничего не вышло, несмотря на преобразования его в смысле значительного усиления обложения, он почти ничего не дал и так и остался мертворожденным.

Подоходно-поимущественный налог, введенный в 1923 году, был введен на несколько других основаниях, при чем в своей организации учитывал падающую валюту. Обложение производилось каждые полгода, при чем ставка налога не была постоянной, а менялась в зависимости от падения курса. Отдельно было организовано обложение лиц, получающих высокую заработную плату. Кроме того, имущество, превышающее известный размер, подлежало особому обложению. В конце 1923 года «подоходно-поимущественный налог был преобразован в подоходный налог, об'единяющий трудгужналог, общегражданский налог и налог с высших ставок заработной платы. По словам т. Сокольникова (в его докладе на III сессии ЦИК СССР 1-го ноября 1923 года) подоходно-поимущественный налог может дать в ближайший год доход около 40 миллионов рублей золотом. Подоходно-поимущественный налог будет обозначать значительное улучшение

постановки взимания налогов в городах. Он будет налогом прогрессивным (т. е. ставки его будут расти с ростом дохода). Этот налог в большей степени падет на более зажиточные, более состоятельные круги. Учитывая известное возрождение буржуазных элементов, он облагает их в той мере, в какой возможно их привлечь к государственному обложению. Но в то же время—говорил он далее—подоходно-поимущественный налог исходит из предположения, что в рабоче-крестьянском государстве, где в основном буржуазия экспроприирована, основными плательщиками налога являются рабочие, крестьяне, служащие, отчасти самостоятельные мелкие хозяева, и, наконец, в той мере, в какой она существует, конечно, и новая буржуазия, накопление которой должно регулироваться этим подоходно-поимущественным налогом. Если же мы хотим, чтобы основное обложение внесла буржуазия, то тогда мы должны были бы держать курс на увеличение экономической роли буржуазии и на увеличение ее капиталов. Конечно, это не вязалось бы совершенно со всей нашей политикой и потому мы в подоходно-поимущественном обложении выставили—и Совнарком и С'езд приняли—то положение, что плательщиками налога являются не только лица, владеющие предприятиями, капиталом и т. д., но точно так же те лица, имеющие источником существования наемный труд и, с другой стороны, добывающие средства к существованию от самостоятельного хозяйства или от самостоятельного труда.

В этом отношении — продолжал т. Сокольников — наш проект декрета о подоходно-поимущественном налоге дает совершенно четкую классовую структуру. Он делит обложение на три большие раздела: обложение лиц, существующих наемным трудом; обложение самостоятельных хозяев и лиц, существующих без отчуждения своего труда и, наконец, третье—обложение лиц, имеющих самостоятельные предприятия и капиталы. Но, конечно, этот проект не принимает такого обложения рабочих, которое было бы для них обременительно. И потому обложение начинается на высоте заработка в 75 червонных рублей в месяц. Устанавливая высоту этой ставки, которая таким образом фактически обозначает применение налога только к очень квалифицированным и хорошо зарабатывающим рабочим, Совнарком Союза учитывал, что в течение ряда лет заработная плата рабочего класса была совершенно ничтожна, что в настоящее время, по целому ряду отраслей, эта заработная плата еще не достигла довоенного уровня, и что, таким образом, еще нет возможности в настоящее время при нынешнем материальном положении, устанавливать для него обложение на уровне ниже заработка в 75 червонных рублей в месяц. Принципиальное значение этого проекта, конечно, остается в полной силе. У нас крестьянство платит налог, и если бы рабочий класс был освобожден от налога, это могло бы вызвать только обоснованные нарекания со стороны крестьянства.

Мы должны сказать,—заканчивает эту часть своей речи т. Сокольников,—что в государстве, в котором не может быть допущено,

в какой бы то ни было мере, руководящей или значительной экономической роли буржуазии, основная поддержка рабоче-крестьянского государства должна будет итти и может итти только от рабочих и крестьян».

Мне кажется, следует признать, что эти принципиальные заявления т. Сокольникова совершенно правильны и могуть быть отнесены не только к подоходному налогу, но и ко всей налоговой системе в целом. Вся деятельность Советского государства состоит в обслуживании общих нужд рабочих и крестьян, и вся поддержка, или по крайней мере главнейшая ее часть, должна итти с этой стороны. Правильное понимание этого вопроса чрезвычайно важно и для разрешения валютной проблемы (задачи), по крайней мере для разрешения одной из важных частей этой проблемы.

В самом деле, попробуем вдуматься в положение. Интересы рабочих и крестьян настойчиво требуют введения твердой валюты. Для этого нужно, чтобы обычные расходы государства покрывались бы путем налогов, а не путем эмиссии бумажных денег, которая всей своей тяжестью ложится также на рабочих и крестьян, но ложится крайне неравномерно, она приспособлена более к извлечению старых запасов, чем к отдаче известной части вновь производимого продукта, при чем эти старые продукты извлекаются вместе с потом и кровью, в то время как налоговое обложение может производить эту операцию—извлечения части продуктов,—совершенно безболезненно, щадя наиболее слабые группы и напирая на сильные.

Провести налоговую реформу так, чтобы возложить всю тяжесть налогов на буржуазию в Советском государстве, совершенно невозможно за отсутствием этой самой буржуазии в достаточной силе и количестве. В частности подоходный налог, как это проверено на опыте всех капиталистических стран, требует крепкой частной собственности и неравномерного распределения богатств. Не удивительно поэтому, что подоходный налог приносит большие суммы и составляет очень большую долю бюджета капиталистической Англии, в то время как в рабоче-крестьянской России он играет сравнительно небольшую роль. Так, например, из предварительных данных, об исполнении бюджета за 1922—23 г.г. мы узнаем, что подоходный налог принес всего менее 10-ти миллионов золотых рублей. Поэтому надежды на то, что подоходный налог явится краеугольным камнем нашей финансовой системы не оправдались и вряд ли оправдаются в будущем. Если т. Сокольников надеется собрать в будущем году 40 миллионов рублей, то это сравнительно небольшая сумма (меньше первоначальных предположений за 1922—23 г.г.), и это после того, как отказались от мысли облагать подоходно-поимущественным налогом исключительно буржуазные классы.

Изложенные соображения следует применить и к политике в области косвенного обложения. Косвенные налоги, несомненно, ложатся тяжелее всего на плечи рабочих и крестьян. Но все же они в общем гораздо лучше, чем эмиссионный налог, их действие несравненно более мягко. Даже такие налоги, как налог на соль и другие предметы

первой необходимости, гораздо лучше, чем налог, получающийся вследствие выпуска бумажных денег. Конечно, и в этом случае необходимо усиленное обложение предметов роскоши, но одним из главных недостатков налога на роскошь является то, что они приносят, как общее правило, чрезвычайно мало средств для казны, но зато требуют очень много хлопот со стороны налогового аппарата. У нас в настоящее время применяется система усиленного промыслового налога на предприятия, торгующие предметами роскоши. Эта мера вполне целесообразна, так как торговцы все равно перелагают промысловый налог на потребителей, и поэтому этот налог, особенно в той форме, в какой он у нас сейчас существует (уравнительный сбор с оборота), является в значительной степени косвенным налогом, хотя обычно в учебниках финансовой науки он считается прямым налогом.

Однако, и этот путь обложения предметов роскоши дает очень мало, и это потому, что буржуазия у нас слишком слаба (и у нас нет никакого желания, чтобы она стала сильней), и это обложение нужно поставить несколько иначе, усиливая обложение отдельных продуктов, которые могут вынести очень много. Но все же приходится сказать, что главнейшими косвенными налогами являются налоги на предметы широкого потребления, которые дают сравнительно много и в условиях советского строя являются вполне справедливыми.

Первым косвенным налогом явилось у нас обложение вина. Еще 1-го ноября 1921 года введено в действие обложение акцизом виноградных, плодовоягодных и изюмных вин. За 1922 год являются уже привлеченными к акцизам следующие предметы: табак, гильзы, спички, пиво, квас, фруктовые воды, чай, кофе, их суррогаты (заместители), сахар, соль, нефтяные продукты. В 1923 году сюда прибавился налог на ткани и еще несколько других мелких налогов. В общем получается довольно много предметов, обложенных косвенными налогами, но дают они все-таки пока не очень много, менее 100 миллионов рублей (на 1923—24 г. предполагается поступление в 155 миллионов рублей). Все же эти суммы больше поступлений по прямым налогам, но если присоединить к прямым налогам еще единый сельско-хозяйственный налог, до сих пор взимавшийся на половину в натуральной форме, то окажется, что прямые налоги дают значительно больше, чем косвенные.

Косвенные налоги могли бы дать значительно больше, если бы производство у нас достигло по крайней мере довоенных норм. В самом деле, один из наиболее крупных налогов—обложение сахара, мог бы дать значительно больше при существующих ставках обложения, если бы количество произведенного сахара равнялось довоенному. До войны у нас производилось сахара свыше 100 миллионов пудов, а в 1923—24 г.г. ожидается 15 миллионов пудов, в прежние же годы было еще меньше. То же самое можно сказать о производстве нефти и керосина, которое растет с каждым годом.

Поэтому, всякое увеличение количества производимых продуктов автоматически (само собой) ведет и к увеличению поступлений от

косвенных налогов, а так как у нас облагается довольно значительное количество продуктов, то доход от косвенных налогов, несомненно, с каждым годом будет значительно увеличиваться, даже если не будут привлечены к обложению новые продукты и если не будут увеличены ставки. Благодаря этому имеется возможность даже понижать обложение некоторых продуктов, налог на которые тяжело ложится на население (так недавно произошло уменьшение налога на керосин, соль и спички), что же касается увеличения количества облагаемых продуктов, то в этом нет нужды, так как все годные к обложению продукты уже обложены.

Если присоединить сюда еще обложение гербовым сбором, настигающим обращение ценностей и предполагаемое введение налога на ренту, то этим в сущности и заканчивается в главных чертах картина налогов. Общее количество предполагаемых к поступлению в 1923/24 году составляет около 550 миллионов рублей.

Все это значительное увеличение государственных доходов, о котором еще в сравнительно очень недавнем времени и не мечтали, явилось несомненно очень крупным шагом вперед и в весьма сильной степени приближает нас к бездефицитности бюджета, которая, как мы знаем, составляет одно из самых важных условий для проведения денежной реформы.

Этот рост налогов и других государственных доходов, о которых еще придется говорить далее, был бы еще больше, если бы мы не жили в условиях падающей валюты. В настоящем году мы перешли к взиманию налогов в золотой валюте, но это еще больше приводит нас к понижению курса советского рубля. Таким образом, мы вплотную подошли к моменту, когда скорейшее проведение денежной реформы, вернее ее завершение, является совершенно необходимым.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ КРЕДИТА.

Помимо восстановления бюджета, новая экономическая политика привела также и к восстановлению кредита. Во времена военного коммунизма, все банки были постепенно закрыты и даже Государственный Банк был упразднен, так как предполагалось полное уничтожение денежной системы. К началу 1921 года в РСФСР продолжало свою работу лишь одно учреждение, занимавшееся кредитными операциями, именно Кооперативный Отдел Наркомфина, но он уже был намечен к ликвидации (закрытию), так как дальнейшее снабжение кооперации денежными средствами было решено производить в сметном порядке. Новая экономическая политика, допустившая возвращение к денежному хозяйству, привела к коренному повороту в этом отношении. Желание добиться как можно скорее увеличения производства заставило снова обратиться к помощи кредита и в конце 1921 года Наркомфин в спешном порядке приступил к восстановлению кредитного аппарата. Декретом от 18-го октября 1921 г.

было утверждено положение о Государственном Банке РСФСР, а 16-го ноября Государственный Банк открыл уже свои действия.

Согласно положению, Государственный Банк является самостоятельным учреждением, подчиненным лишь Народному Комиссару Финансов, при чем ему было предоставлено право производства общих коммерческих операций банков, за исключением лишь операций с ценными бумагами. В дальнейшем права Государственного Банка были несколько расширены; ему было предоставлено право монопольной скупки благородных металлов (другими словами, только он мог покупать золото и серебро, частным лицам это было воспрещено), далее право производить операции с ценными бумагами, монопольное (исключительное) право переводных операций с заграницей, разрешена операция текущих счетов в золоте или иностранной валюте.

Но наиболее важным постановлением, имеющим громадное значение для подготовки денежной реформы, было постановление Совнаркома от 27-го июля 1922 года, которым Государственному Банку было предоставлено право выпуска собственных банкнот (банковых билетов), писанных на золото, с обеспечением их на 25% золотом или иностранной валютой, а на остальную сумму краткосрочными векселями или легко реализуемыми товарами (например, сахар). Это и были знаменитые червонцы, которые произвели громадное впечатление и у нас и заграницей и о которых поэтому необходимо далее поговорить более подробно, чем о других мероприятиях.

Нам нужно несколько подробнее остановиться на деятельности Госбанка, так как основание Госбанка и выпуск червонца были одним из главнейших средств к осуществлению денежной реформы.

Возложенные на Госбанк при его учреждении задачи были весьма сложны и многообразны. Нужно было в условиях полного разрушения всего кредитного аппарата страны, распыленности банковских работников, осложненной еще тем, что все они за это время силой вещей должны были работать не по своей специальности, создать в кратчайший срок крупное кредитное учреждение. Не надо забывать, что при организации Госбанка к нему, в очень широких кругах не только обывателей, но и т. н. ученых специалистов царило очень недоверчивое отношение.

Большинство считало, что в условиях падающей валюты невозможно развитие кредита, а значит и немыслимо существование настоящего кредитного учреждения. На местах встретились другие затруднения, там не всегда понимали сущность новой экономической политики и те особенности, которые были свойственны работе банковского учреждения. Были иногда недоразумения с назначениями управляющих отделениями Госбанка на местах, так как местные исполкомы выдвигали иногда совершенно неподходящих кандидатов. Были иногда и недоразумения с денежными знаками, так как банковская практика требует немедленной выдачи денег клиентов, но скоро все это было превзойдено.

Самой трудной задачей было установление условий кредитования промышленности в условиях падающей валюты. Для этого нужно было вести такую учетную политику (ссуды по векселям, или учет векселей—одна из главнейших банковских операций), которая, охраняя капитал банка от обесценения, в то же время не лишила бы клиентов банка самой возможности пользоваться кредитом. Сначала здесь приходилось итти ощупью, прислушиваясь к требованиям жизни. Сперва был установлен так называемый «страховой процент» по ссудам (8—12% в месяц), где часть риска от обесценения рубля переносилась на заемщика, затем этот процент был повышен до 12—18% в месяц, а еще позднее Госбанк стал применять различные формы предохранения капитала от обесценения в виде участия в прибылях, возвращения ссуд товаром и т. п.

Здесь очень важно отметить следующее обстоятельство. Давно уже известно, что в странах падающей валюты есть определенные группы, которые не только не страдают от нее, но даже выигрывают. Например, землевладельцы царской России, как было уже сказано выше, были заинтересованы в падающей валюте, потому что они получали за вывозимый за границу хлеб золото и твердую валюту, которая относительно все время повышалась внутри страны по мере падения курса рубля. Все вообще держатели реальных ценностей, товаров, оказываются в таких случаях в очень выгодном положении, так как у них есть возможность не только застраховать себя от падения курса, но даже нажить при этом известный капитал.

Поэтому когда Госбанк сделался владельцем реальных ценностей, стал приобретать устойчивую иностранную валюту в монетах и банкнотах, тратты (переводные векселя) и другие устойчивые ценности, положение его сделалось настолько крепким, что он мог не только существовать в условиях падающей валюты, но и получил способность к дальнейшему развитию и укреплению. Накопившиеся в результате деятельности Госбанка реальные ценности, и в особенности запасы золота и иностранной валюты позволили Госбанку поставить вопрос о выпуске собственных банковых билетов.

В начале 1922 года были основаны некоторые другие банки, кроме Госбанка, который долгое время был единственным банком (если считать его преемником т. н. Народного Банка, то 4 года).

Декретом ВЦИК от 6 февраля 1922 года было разрешено образование на паевых началах Банка Потребительской Кооперации, с участием в нем Государства в лице Госбанка, в качестве одного из пайщиков, с относительно небольшим количеством паев ($3^1/_{13}$ общего количества и с правом $^1/_4$ голосов на общем собрании пайщиков).

По уставу Покобанка ему предоставлено право обычного круга операций банков краткосрочного кредита, при чем учетно-ссудные операции разрешены только с кооперативными организациями. Одновременно была восстановлена кредитная кооперация, и был установлен явочный порядок учреждения кредитных кооперативов.

Из других крупных банков важными шагами было основание Промышленного Банка и Коммерческого Банка. Последний даже был основан на иностранные капиталы. Кроме того, было основано несколько банков и обществ взаимного кредита.

В настоящее время на II С'езде Советов СССР решен вопрос об учреждении Сельско-Хозяйственного Банка, в целях помощи крестьянскому населению, которое в настоящее время бессильно покупать дорогостоющие сельско-хозяйственные машины и другие нужные для крестьянства предметы иначе, чем в кредит.

Были основаны также трудовые сберегательные кассы, которые имеют чрезвычайно важное значение для населения, так как они, помимо процентов, принимают вклады с правительственной гарантией для вкладчиков от потерь при падении курса советского рубля.

Согласно положению о Государственных Трудовых Сберегательных Кассах, утвержденному Совнаркомом 26 декабря 1922 года, сберегательные кассы учреждаются с целью предоставления населению возможности хранить и накоплять денежные сбережения, с наростанием процентов, и находятся в ведении Наркомфина.

Вклады принимаются в золотом исчислении по курсу Котировальной Комиссии. Таким образом, при обратном истребовании внесенных в Трудовые Сберегательные Кассы денег, вкладчик получает из кассы столько советских рублей, сколько будут стоить к тому времени золотые рубли, соответствующие сумме внесенного им вклада. Например, если в день, когда золотой рубль стоил 5.000 рублей в дензнаках 1923 года, было внесено в Сберегательную Кассу 150.000 рублей, составляющие в золотом исчислении 30 рублей, то при повышении курса до 10.000 рублей вкладчик получит 300.000 рублей и сверх того проценты на свой вклад.

Таким образом, вкладчики, внося свои деньги в Сберегательные Кассы, страхуют их от обесценения. Эта мера является чрезвычайно важной в смысле подготовки населения к золотому обращению. Она имела громадный успех среди населения, хотя, к сожалению, большинство открытых сберегательных касс относится к городским поселениям.

Количество сберегательных касс в течение последних месяцев росло чрезвычайно быстро. Количество сберегательных книжек росло в последнее время так быстро, что не успевали их печатать. Для удобства служащих в учреждениях были открыты специальные вспомогательные кассы при этих учреждениях, тем не менее во всех сберегательных кассах приток населения так велик, что очень часто устанавливаются длинные очереди для получения и выдачи денег. Количество внесенных вкладов перевалило уже за миллиард рублей золотом, т. е. сумма почти равная всему государственному бюджету в настоящее время, хотя выдача процентов в конце 1923 года прекращена во всех кассах Наркомфина. Но для населения гораздо больше значения, чем выдача процентов является страхование от обесценения своего заработка. А так как заработок в последнее время исчисляется в товарных или в червонных рублях, то деятель-

ность государственных трудовых сберегательных касс дала возможность широким массам трудящихся фактически пользоваться благами золотого обращения, если не обращать внимания на ряд связанных с этой операцией неудобств.

К сожалению для крестьян она пока еще мало доступна. В общем введение сберегательных касс имеет громадное значение и сильно приближает нас к тому уже недалекому времени, когда у нас установится твердое денежное обращение [1].

Большое также значение в этом смысле имеет восстановление государственного кредита. Казалось, после аннулирования государственных запасов в январе 1918 года нечего было думать о том, что советское правительство могло пользоваться кредитом внутри страны и было бы в состоянии заключать государственные займы в каком бы то ни было виде.

Действительность, однако, показала, что это совершенно неверно. Когда на Генуезской и Гаагской конференциях в 1922 году шла речь о заключении большого займа для Советской России, представители иностранных правительств требовали прежде всего признания довоенных и военных долгов, как необходимое условие для восстановления государственного кредита, хотя Франция до сих пор не думает об уплате своих колоссальных военных долгов Англии и Америке и хотя в действительности свободных капиталов в это время в Европе совершенно не было, так как все накопления во время войны и после войны были поглощены для внутренних займов. И, если даже некоторые наши финансисты из Наркомфина считали наше финансовое положение совершенно безнадежным и не видели никакого другого выхода, как иностранная помощь, то разумеется, представители иностранных правительств и иностранных банкиров (что в большинстве случаев одно и то же) даже не могли себе представить, чтобы Советская Россия могла найти себе какой-нибудь, хотя бы самый ничтожный кредит внутри страны, и без того разоренной продолжительными войнами и блокадами.

Тем не менее Наркомфин еще в 1922 году предпринял первые шаги к возрождению государственного кредита, правда, сначала очень робкие, но имеющие громадное принципиальное значение. Декрет ВЦИК от 20 мая 1922 года о хлебном займе был первой мерой в этом отношении. Первый хлебный заем был выпущен на полугодовой срок, с условием погашения его рожью, что имело очень большое значение во время острого недостатка хлеба; выпускная цена облигаций (свидетельств) займа была установлена по средней рыночной цене ржи со скидкой в 5%. Заем принимался в уплату натурналога, что было особенно привлекательно для крестьянства, для которого было стеснительно уплачивать налог обязательно натурой. Правда,

---

[1]) Постановлением Наркомфина СССР от 14 февраля 1924 г., в связи с выпуском в обращение государственных казначейских билетов и освобождением государственных трудовых сберегательных касс от расходов по страхованию вкладов с 1 марта 1924 года процент по бессрочным вкладам и текущим отчетам повышен с 3% до 6% годовых.

крестьянство слишком поздно узнало о займе, так как пока слух о выгодности покупки облигаций хлебного займа прошел в самые отдаленные уголки деревни, должно было пройти довольно продолжительное время.

Всего хлебного займа было выпущено на 10.000.000 пудов, которые все были размещены. В общем это первый опыт восстановления нашего государственного кредита, сделанный в совершенно необычной форме, оказался вполне удавшимся.

Это обстоятельство имеет чрезвычайно важное значение. Могло бы быть мнение, что после того как мы произвели аннулирование всех прежних государственных займов, после того, как мы об‘явили государственное банкротство, нашему Советскому государству никакого кредита вообще не может быть. Тов. Сокольников, говоривший по этому вопросу на III сессии ВЦИК IX Созыва, полагает, что такое мнение основано на глубоком заблуждении: не мы первые и не мы последние об‘явили государственное банкротство, отказавшись от тех обязательств, которые были приняты прежними правительствами. Мы отвергли обязательства царского правительства, но это не значит, что мы не сможем выполнить своих обязательств—наоборот, именно поэтому, что мы прежние обязательства об‘явили аннулированными, именно поэтому мы должны будем с наибольшей тщательностью выполнять обязательства свои собственные.

По вопросу о государственных банкротствах существует целая литература. Тов. Сокольников приводит мнение о государственных банкротствах одного из немецких ученых, профессора Манеса, написавшего книгу по этому вопросу, где он приводит ряд интересных вычислений. Он формулирует прежде всего то положение, что государственное банкротство ни в коем случае не является равнозначущим уничтожению государства, а наоборот, очень часто оно давало средства для того, чтобы оживить, воскресить государство. Профессор Манес указывает, что расчистка старой почвы, уничтожение старых обязательств, именно это открывает полную возможность новых кредитных операций, а ни в коем случае не является обстоятельством, которое их исключает. Приводимые исторические данные очень интересны для нас, особенно когда они касаются Франции, которая устами Барту в Генуе особенно часто пыталась аннулировать провозглашенную нами аннуляцию.

Мы можем установить, что во Франции,—правда, во времена несколько отдаленные—на каждое поколение приходилось не менее одного государственного банкротства, а французский министр финансов конца XVIII века Террей оффициально выступил в защиту той точки зрения, что государственное банкротство является абсолютной необходимостью для государства, по крайней мере 1 раз в 100 лет, чтобы можно было восстановить баланс государства. Если мы посмотрим, что делается на бирже, то вот справка, относящаяся к 1916 году: оказалось, что из 61 займа, которые котировались на лондонской бирже в то время, только 35 государств выполнили полностью свои обязательства, а 26 государств этого не сделали. Буржуазные госу-

дарства, об'явившие банкротство и уклонившиеся от выполнения своих обязательств, несмотря даже на скудность их средств (например, такие незначительные страны как Колумбия, которая представляет собой страну классическую по государственному банкротству) имела возможность получать государственный кредит. Немецкий профессор с добросовестностью подсчитал те способы, которыми можно производить государственное банкротство и насчитал 15 способов. Среди этих 15-ти способов государственного банкротства русский способ является одним из самых решительных, как и подобает рабочей революции.

И в литературе во многих исследованиях встречается глава под заглавием: «Русский пример». Оказывается, что русский пример, по мнению немецкого исследователя, заслуживает всяческого подражания. Интересно также отметить, что и Франция, которая громче других кричит о неуплате наших долгов, сама до сих пор и не думает приступить к уплате своих долгов и даже процентов по ним Англии и Америке. В своей известной ноте по поводу ноты английского министра Бальфура, заключавшей в себе требования уплаты долгов, Франция с негодованием заявляет о слишком высоких ценах, по которым Англия доставляла ей предметы военного снаряжения и говорит даже о «моральной недопустимости» подобных требований уплаты за совместно веденную войну. С другой стороны, во время дебатов в английском парламенте 17-го января нынешнего (1924) года рабочий депутат Клайнс, внося поправку рабочей партии к тронной речи, заявил: «Утверждение тронной речи, что Англия находится в дружественных отношениях со всеми иностранными державами—неверно. Разве дружественны наши отношения с великой Россией? Если дружественны, то почему мы не хотим принять в Лондоне Советского посла? А если это происходит потому, что Россия не платит нам своих долгов, то почему мы принимаем у себя посла французского?»

Эти заявления Клайнса были покрыты шумными рукоплесканиями, которые показывают, что как ни велика жадность английских банкиров, но все же общественное мнение Англии начинает примиряться с государственными банкротствами после войны.

Поэтому, если мы аннулировали царские займы (и автор этих строк вспоминает с большим удовольствием, как он делал доклад по этому поводу во ВЦИК'е 3 января 1918 года), то это вовсе не значит, что мы решили совершенно отказаться от использования государственного кредита, особенно в то трудное время, которое мы сейчас переживаем. При ведении государственного финансового хозяйства в денежных формах, кредит иногда является совершенно неизбежным способом удовлетворения финансовых потребностей государства.

Теперь может стать вопрос о формах этого кредита. Разумеется, нам более всего было бы желательно заключить большой долгосрочный заем, но заграница, как мы знаем, нам пока этих денег не дает, а внутри страны, в виду разоренности и бедности страны, это пока совершенно невозможно. Поэтому и была сделана попытка внутреннего краткосрочного хлебного займа, которая дала нам воз-

можность получить вперед доход от продналога, что имело в это время очень важное значение и с другой стороны было чрезвычайно важно, как первый опыт восстановления государственного кредита.

Другая особенность этого первого советского займа состоит в том, что он был выпущен не в деньгах, а номинально в натуре, в ржи и муке. В это время наше финансовое положение было чрезвычайно тяжелым, кроме того в это время с особенной силой стал сказываться страшный неурожай 1921 года, и, как мы уже видели, советский рубль в это время стремительно падал вниз. Удача хлебного займа поддержала нас в самое критическое время и значительно способствовала укреплению наших, в то время чрезвычайно расстроенных, финансов.

Этот успех ободрил Наркомфин, и он сделал вскоре новую попытку займа, на этот раз выпущенного уже не в хлебных единицах, а в золотой валюте. 31-го декабря 1922 года появился декрет о выпуске государственного 6% выигрышного займа. Он был выпущен на сумму в 100 миллионов рублей золотом, сроком на 10 лет, с 1-го декабря 1922 года по 1 декабря 1932 года, 10 сериями в 10.000.000 рублей каждая, в облигациях 5-ти-рублевого достоинства (с одним номером) и 25-ти-рублевого достоинства (с 5-ю номерами). Выигрышный заем принимается в залог по казенным подрядам и поставкам, в обеспечение уплаты акцизов и таможенных пошлин, в обеспечение арендных договоров. Оплата займа в пределах Советской федерации производится не в золоте, а в Российской бумажной валюте по курсу на золото, а за границей—в российской золотой валюте, или в долларах по золотому паритету.

Что касается результатов поступления от золотого выгрышного займа, то теперь еще не имеется окончательных итогов. Первое время размещение шло сравнительно медленно, затем прибегали к довольно решительной мере—размещению в принудительном порядке. В настоящее время, когда весь заем целиком оказался размещенным, государство получило возможность в значительной мере уменьшить эмиссию бумажных денег.

После того, как первые опыты, несмотря на мрачные предсказания некоторых товарищей и особенно буржуазных специалистов, оказались в общем довольно удачными, было решено их продолжить и вести кредитную политику более уверенной рукой.

В 1923 году был выпущен второй хлебный заем, на этот раз уже на значительно большую сумму, 80.000 пудов хлеба. Он имел громадный успех среди крестьянства, облигации хлебного займа продавались в таком количестве, что на местах их не хватало—и пришлось сделать дополнительный выпуск.

В настоящий момент (в начале 1924 года) подготовляется выпуск золотого 8% займа[1]. Особенностью нового займа, который предназначен преимущественно для помещения в нем капиталов тру-

---

[1] 16 февраля 1924 г. опубликовано постановление ЦИК'а СССР о выпуске 8% внутреннего займа на сумму 100 милл. руб. золотом сроком на 6 лет.

довых сберегательных касс и других правительственных учреждений, является сравнительно высокий курс займа. Однако, принимая во внимание общую дороговизну кредита в настоящее время и то обстоятельство, что заем выпускается без выигрышей, этот процент не является слишком высоким и делает успех займа еще более вероятным, чем успех предыдущего займа. Подготовляются и еще некоторые кредитные операции, о которых речь будет итти впереди, в связи с бюджетом 1923/24 года.

Наконец, в настоящее время усиленно обсуждается вопрос о заключении крупного заграничного займа. На этот раз дело обстоит совершенно иначе, чем во время Генуезской конференции, когда шел также вопрос о заключении займа. В это время деловой мир капиталистических государств относился с глубоким недоверием к Советской России, возможности восстановления в ней промышленности и хотел просто-на-просто овладеть Советской Россией для разграбления ее богатств, за что временно мог бы примириться с существованием Советской власти. Заграничные капиталисты полагали в это время, что новая экономическая политика означает сдачу всех позиций, с целью сохранения власти коммунистической партией, и шли на формальные уступки, думая, что их время пришло и что большевики все равно не в силах восстановить одни разрушенные производительные силы и должны будут пойти на всякие условия. Этим и об'ясняется наглый и бесцеремонный тон иностранных дипломатов, чуть чуть прикрытый вежливыми фразами.

Теперь положение дел совершенно другое, чем два года тому назад. Сельское хозяйство стало оправляться прежде всего, и мы очень быстро из голодающей страны превратились снова в одну из житниц Европы. В нынешнем году мы должны вывезти за границу около 200.000.000 пудов хлеба. Наша промышленность возрождается не столь быстрыми шагами, но все же подвинулась вперед и достигает теперь приблизительно 40 процентов довоенной промышленности. Вместе с этим растет и заработная плата, почти достигшая уже довоенного уровня и производительность труда. Эти успехи достигнуты не только без всякой помощи со стороны иностранных капиталистов, но несмотря на их противодействие.

Между тем, исключение России из мирового хозяйства больно бьет и по другой стороне. Растет безработица в Англии, Чехо-Словакии, Скандинавских странах, Польше и последнее время в Германии. Сбыт товаров становится все более и более трудным делом, целый ряд иностранных капиталистов приходит к выводу, что без включения России в семью народов, восстановление разрушенного войной хозяйства невозможно. Поэтому, так быстро растет в последнее время движение в пользу признания Советской России, что послужит прочным основанием для оживления торговых сношений, выгодных и той и другой стороне.

Целый ряд французских и американских сенаторов и представителей других стран, посетивших в последнее время Советскую Россию, дает о ней самые лестные отзывы.

Но признание связывается нами с заключением крупного заграничного займа, так как голое признание на бумаге нам совершенно не нужно. Наша закупка хлопка в Америке произвела там сильное впечатление и вызвала предложение кредита для будущих закупок со стороны американских банкиров. Сенатор Дайэль демократ, представитель интересов хлопководов Южных штатов, произнес в Сенате речь, в которой выразил удовольствие, что текстильный синдикат СССР закупает хлопок в Соединенных Штатах.

Дайэль дал нашему представителю тов. Ногину рекомендательное письмо к южным хлопководам, с целью облегчения путешествия по югу делегации синдиката. Между прочим, Дайэль сказал: «Я ничего не буду говорить относительно нашего долга и желания признать СССР; мне хочется только сказать, что население юга в высшей степени довольно, что русские возобновляют с нами торговые отношения.

Русский синдикат является представителем целого ряда фабрик и заводов в России и нуждается в большом количестве нашего хлопка. Насколько мне известно, это—первая непосредственная закупка за несколько лет, и я уверен что мы можем делать большие дела с Россией».

Можно привести целый ряд подобных заявлений со стороны деловых кругов Европы и Америки, доказывающих совершенно ясно, что теперь с каждым месяцем растет доверие к возрастающей экономической мощи Советской России, и заключение крупного иностранного займа не только для нужд текстильного синдиката, но и для всего Советского народного хозяйства уже не за горами. Между тем, заключение крупного иностранного займа в данный момент, когда мы вводим у себя твердое денежное обращение, когда вся наша экономическая жизнь становится на твердое основание, имеет громадное значение. Мы вовсе не собираемся существовать все время при помощи иностранного кредита, как это делало царское правительство, которому нужны были громадные деньги на вооружение и которое в общем не сводило концы с концами.

Мы ведем гораздо более мирную политику, но восстановление, промышленности без иностранного кредита идет слишком медленно. Нам необходим известный толчок, который поможет нам взять гораздо более быстрый темп развития, при котором мы не только очень быстро достигнем довоенного уровня, но сумеем пойти вперед очень быстрыми шагами. Порукой этому служит то обстоятельство, что мы за последние два года, со времени Генуезской конференции, очень значительно продвинулись вперед без всякой посторонней помощи, несмотря на самые неблагоприятные условия. Поэтому, есть все основания рассчитывать на чрезвычайно крупные успехи в будущем, если будет еще вдобавок дана помощь в виде иностранного займа,—и деловой мир капиталистических держав начинает это очень хорошо понимать, хотя он ненавидит социалистическое государство и боится его.

Заключение крупного займа введет нас против воли большинства окружающих нас капиталистических государств в общую систему мирового хозяйства и борьба между капитализмом и социализмом примет более мирные формы, не менее, однако, опасные для обеих сторон. Однако, возможности развития у нас социалистического хозяйства значительно повышаются, чем и об'ясняется медлительность и нерешительность иностранного капитала, хотя вовлечение России в систему мирового хозяйства сулит и ему большие выгоды.

Шансы на заключение крупного иностранного займа на выгодных для нас условиях возрастут еще в несколько раз, если нам удастся удачно завершить денежную реформу. Помещать свои капиталы в страну, которая не имеет упорядоченного денежного обращения, решится далеко не всякий капиталист. Во всяком случае, условия будут поставлены в этом случае гораздо более тяжелые. Поэтому, от успеха денежной реформы зависит чрезвычайно много, только она способна осуществить действительно прочную смычку с иностранным капиталом, чрезвычайно важную для нас в данный момент нашего экономического развития.

ВЫПУСК ЧЕРВОНЦЕВ.

Мы уже упоминали о предоставлении Госбанку права выпуска червонцев. Что такое представляет из себя червонец? Об этом было много споров и у нас и в заграничной литературе, причем в особенности эмигрантская печать всячески старалась опорочить это новое явление, старательно не желая замечать, что оно является в сущности частичным восстановлением твердой валюты, могущим очень скоро привести и к полному восстановлению нормального денежного обращения.

Попробуем разобраться в этом чрезвычайно интересном вопросе.

Что в самом деле представляет из себя червонец? На каждом червонце существуют следующие надписи: «банковый билет» — и далее—«один (или три, или пять) червонец». Далее—«один червонец содержит 1 зол. 78,24 доли чистого золота. Банковый билет подлежит размену на золото. Начало размена устанавливается особым правительственным актом. Банковые билеты обеспечиваются в полном размере золотом, драгоценными металлами, устойчивой иностранной валютой и прочими активами Госбанка. Банковые билеты принимаются по их нарицательной цене в уплату государственных сборов и платежей, взимаемых по закону в золоте». Далее следуют подписи Правления Государственного Банка.

Иначе говоря, прежде всего червонец представляет из себя банковый билет или банкноту. Мы уже ознакомились с тем, что представляет из себя банкнота. Мы видели, что банкноты обычного типа представляют из себя не что иное, как выпускаемые Центральным Эмиссионным Банком билеты, взамен тех векселей, которыми

располагает Банк и платежи по которым еще не наступили. Банкнота заменяет собою вексель, но она только выписана не в дробной валюте, как пишутся обыкновенные векселя, а в круглых цифрах; количество выпускаемых банковых билетов всегда соответствует нуждам рынка, так как иначе они возвращаются в Банк и размениваются на золото. Обычно же они выпускаются в таком размере, что к размену прибегать приходится редко, и золотой запас Центрального Эмиссионного Банка нужен только на тот случай, если по векселям почему-либо не последуют платежи.

Наши банкноты отличаются от обычных тем, что они пока не размениваются на золото. Мы знаем, однако, что в истории денежного обращения известны и неразменные банкноты (в Австрии). Здесь размен заменяется особой политикой Центрального банка, так называемой девизной политикой, т. е. путем регулирования количества иностранной валюты в сравнении с банкнотой на денежном рынке. Если цена иностранной валюты стоит выше цены данной банкноты, тогда Центральный Банк или сдерживает курс банкноты, или усиливает выпуск иностранной валюты. Разумеется, успешность такой политики, т. е. такого регулирования цен банкноты с ценой иностранной валюты, чтобы они стояли на одном уровне, целиком зависит от успехов народного хозяйства, от увеличения доходов от государственного хозяйства и от притока золота или иностранной валюты в кассу Центрального Банка, т. е. от торгового баланса данной страны. Поэтому, необходимо, чтобы страна имела активный расчетный баланс, т. е. получала бы больше ценностей, чем вывозила из страны.

Основанием для такого активного расчетного баланса может служить активный торговый баланс, т.-е. превышение вывоза над ввозом, хотя это далеко не всегда бывает, и помимо вывоза есть и другие источники притока ценностей в страну (займы, работа флота, доходы от предприятий за границей, расходы иностранцев внутри страны и т. п.). Все это вместе взятое носит название «невидимого ввоза» и может заменить и действительно заменяет во многих государствах активный торговый баланс, который имеют сравнительно немногие государства, в числе их находятся между прочим Россия и Соединенные Штаты Северной Америки. Наоборот, большинство европейских стран имеет обыкновенно пассивный торговый баланс, т.-е. ввоз у них больше вывоза, и они регулируют свой баланс при помощи «невидимого ввоза». Так, например, довоенная Германия ввозила товаров на сумму около 10 миллиардов золотых марок, а вывозила около 9, следовательно, имела пассивный торговый баланс, тем не менее у нее был активный расчетный баланс, и она в это время совершенно свободно пользовалась золотым обращением, без применения каких-либо искусственных мер. То же самое можно сказать об Англии и о ряде других европейских и внеевропейских капиталистических стран.

Однако, такой способ могут принять только страны, находящиеся в особом привилегированном положении. Сумма, так называемого,

«невидимого ввоза» означает, в сущности, сумму эксплоатации других капиталистических и некапиталистических стран. Такая страна, как Россия, могла поддерживать свой активный расчетный баланс, только посредством усиленного вывоза, который должен значительно превышать ввоз. Только при этом условии она может поддерживать у себя золотое обращение (я говорю здесь о России, потому что это относится как к довоенной России, так и к СССР, возникшему на ее развалинах). Но вывоз возможен только на основе развивающегося производства и для России прежде всего производства продуктов сельско-хозяйственных. Отсюда мы снова приходим к выводу, что в основе золотого обращения стоит производство, стоящее на уровне других стран.

Наши банкноты, как мы видим, пока не размениваются на золото, но ввиду проводимой Госбанком денежной политики, он поддерживается на высоте американского доллара и английского фунта стерлингов. Английский фунт по ценности содержащегося в нем золота приблизительно равен нашему червонцу, и даже несколько менее его. Что же касается биржевой оценки, то, так как фунт стерлингов несколько отстает от теперешней мировой валюты—доллара, то он оценивается несколько ниже довоенного. Поэтому наш червонец стоит на нашей и на тех иностранных биржах, где он с недавнего времени стал котироваться (оцениваться) несколько выше английского фунта. По этому поводу много острят, и некоторые считают это искусственным. Тем не менее это совершенно верно. Наш червонец держится на уровне устойчивой иностранной валюты благодаря активному торговому балансу, который мы имеем и благодаря монополии внешней торговли, которую мы удержали, несмотря на всяческие происки против ее иностранных капиталистов. Мы далее остановимся несколько подробнее на данных о нашем торговом балансе. Сейчас же мы только устанавливаем, что червонец держится на активном торговом балансе, который мы имеем. Правда, этот активный торговый баланс имеет и некоторые отрицательные стороны, сокращение ввоза, но его положительное свойство в том, что он дал нам возможность держать червонец на уровне с иностранной валютой, и с этой стороны наше хозяйство получило огромную поддержку. По этому поводу Наркомфин т. Сокольников говорит следующее:

«Наш червонец держится на благоприятном торговом балансе, в этом его сила. Кто этого не понимает, тот ничего не понимает в червонце».

Но это только одна сторона вопроса. Дело в том, что следует различать внешнюю и внутреннюю ценность денег. Мы уже видели, что английский фунт стерлингов почти достиг довоенного уровня на внешнем рынке и снова пытается стать мировой валютой, между тем как на внутреннем рынке он стоит ниже довоенного уровня. Внутренняя ценность банкнот определяется, как мы видели, тем, что банковые билеты соответствуют ценности выпущенных товарных

векселей, т.-е. другими словами, обращению производимых в стране товаров.

Мы видели, что у нас также червонцы обеспечены активами Госбанка, т.-е. имеющимися у него векселями. В большинстве случаев эти векселя выдаются государственным трестам и другим государственным и кооперативным и, гораздо реже, частным предприятиям. Это и дало повод некоторым эмигрантским писателям заявлять, что наша банкнота не настоящая, так как она идет прежде всего для обслуживания государственных предприятий. Но от этого дело нисколько не меняется, а если и меняется, то в лучшую сторону. Мы видели уже, что Госбанк представляет собой независимое учреждение, подчиненное только Наркомфину, и осенью 1923 года он закрыл кредит тем предприятиям, которые не сумели реализовать товары и исправно платить по своим векселям. Это вызвало в свое время большое неудовольствие, но с точки зрения охраны нашего денежного обращения было совершенно правильно.

Разумеется, если наше производство будет плохо производить товары и плохо их реализовать, то здесь не поможет никакое закрытие кредитов и здесь нужны другие меры. Но, именно потому, что все почти производство продуктов промышленности находится в руках советского государства, и оно может всевозможными способами влиять на производство и на цены, существует гораздо больше гарантий, что в конечном счете производство будет налажено и реализовано, чем тогда, когда мы имели перед собой совершенно между собой не связанные частные хозяйства, следить за общим ходом которых государству очень трудно и влиять на которое почти совершенно невозможно. Поэтому национализация промышленности, несмотря на все трудности, которые представляет ее организация на первых порах, в конце концов гораздо лучше гарантирует (обеспечивает) правильное денежное обращение, чем анархическое частное капиталистическое хозяйство. Поэтому судьба русской банкноты—червонца, является гораздо лучше обеспеченной от возможных случайностей, чем судьба европейских банкнот. Отсюда и количество золота, драгоценных металов и иностранной валюты, которое служит запасом, является необходимым больше всего только первое время, пока еще не налажено производство, и в дальнейшем, по мере укрепления национализированного производства, сделается, совершенно ненужным. В самом деле, именно товары, а не золото являются главным обеспечением червонцев, золото же нужно на случай, если товары будут произведены в меньшем количестве или же, будучи произведенными, не найдут себе сбыта на рынке.

Не следует забывать, что помимо этого червонцы имеют и так называемое податное обеспечение, т.-е. принимаются в уплату государственных платежей, что также придает им устойчивость.

Таким образом, мы приходим к выводу, что наши червонцы обеспечиваются в конечном счете производимыми у нас товарами, при чем внешняя ценность денег (на иностранном рынке) обеспечивается прежде всего вывозом сельско-хозяйственных товаров, вну-

тренняя же ценность (на внутреннем рынке) прежде всего производством товаров нашей национализированной промышленности; что же касается золотого запаса, то его значение второстепенное, но, тем не менее, оно очень важно, так как помогает поддерживать курс червонца и охранять его от случайных колебаний (неурожая, кризиса и т. п.).

Если согласиться с приведенным пониманием нашего червонца, то совершенно неправильными покажутся те представления о нем, какие мы читали в большом количестве и в нашей и в заграничной печати.

Приведем, например, рассуждение одного из наших финансистов, А. А. Соколова, одного из консультантов (советников) Наркомфина.

«В настоящее время»—пишет он в своей книге «Проблемы денежного обращения и валютной политики»,—у нас, в России как раз проделывается опыт по выпуску «золотой» банкноты (т. н. червонцев) Государственного Банка. Банкнота эта фактически будет неразменна, однако, имеется в виду поддерживать ее на уровне золотого паритета (т. е. наравне с золотом).

Конечно, не подлежит сомнению, что поскольку эмиссия Государственного Банка будет держаться в известных, достаточно тесных пределах, постольку государство, как ни слабы сейчас его финансовые силы, сможет все же поддерживать курс банкноты на известной высоте. Средствами для этой цели, помимо общих методов (способов) банковской политики, могут служить прием банкноты по номинальной ее цене в казенные налоги и платежи, а также прямая скупка ее на бирже по высокому курсу, за счет (между прочим) казначейской эмиссии. Однако, по мере расширения банковской эмиссии (а это расширение станет неизбежным, если банкнота станет вытеснять из обращения советский рубль) этих средств, несомненно, будет становиться все более и более недостаточно (ибо, если их могло хватить на поддержание курса неограниченного количества банкнот, то их, очевидно, должно было бы хватить и на поддержание курса советского рубля). Следовательно, курс банкноты начнет падать, и это будет делать банкноту все менее и менее пригодным инструментом рыночного оборота. При этом нужно еще иметь ввиду, что для рыночного оборота имеет значение собственно не высота курса, а его устойчивость. Поэтому, если банкнота будет цениться выше советского рубля, но курс ее будет также или почти также колебаться, как и курс советского рубля, то никакими преимуществами по сравнению с советским рублем она, с точки зрения рыночного оборота, обладать не будет.

Мы должны, следовательно, продолжает А. А. Соколов, прийти к тому, быть может, очень тривиальному (пошлому), но зато, как нам кажется, совершенно бесспорному выводу, что искусственно создать золото из ничего нельзя, и что поэтому замена одной бумажки другой, хоть и гласящей на золото, но фактически неразменной на металл, не может явиться средством излечения денежного обращения. В лучшем случае эксперименты (опыты) этого рода могут дать временную «передышку» (стр. 73—74).

Далее автор доказывает, что лучше средства, необходимые для поддержания нового знака, употребить на поддержание старого, потому что если умрет старый знак, то и новый знак (червонец) вряд ли сможет благополучно существовать. При этом он сам признается, что исходит из предпосылки, что нам еще в течение целого ряда лет не удастся восстановить равновесие в государственном бюджете.

Приблизительно так же смотрит на червонец и тов. Д. В. Кузовков, во втором издании своей «Азбуки финансовой политики». Он также считает, что червонец опирается у нас на старые совзнаки и рекомендует написать на нашей банкноте: «а впредь до размена за червонец будет выдаваться такое же количество совзнаками, какое стоит соответствующее количество золота на рынке».

Из предыдущего ясно, что оба эти автора совершенно не правы. В обычное время Госбанку нет никакой нужды в каком-либо искусственном поддержании курса червонца на внутреннем рынке, так как червонцы выпускаются обыкновенно Госбанком в форме субсидии (помощи) промышленности и возвращаются обратно по мере продажи товаров. Осенью 1923 г. мы пережили сильный кризис сбыта, деревня отказывалась покупать продукты промышленности по чрезвычайно высоким ценам, и это не могло не отразиться на судьбе нашего денежного обращения и потребовать известных мер для его поддержания. В этом ничего ужасного нет, такую поддержку оказывают все государства с твердой валютой (для этого и нужен золотой запас), и видеть в этом, будто червонец опирается исключительно на старый совзнак (как это делает Д. В. Кузовков, вслед за А. А. Соколовым), значит совершенно не разбираться в вопросах нашего денежного обращения.

Что же касается повышения курса товарного рубля по отношению к червонцу, на что указывают в доказательство неустойчивости червонца, то нам уже приходилось отмечать неустойчивость товарного рубля и перемену в товарном индексе с 11 авг. 1923 года. Кроме того, следует твердо помнить, что даже в условиях обычного денежного обращения и правильного течения всей экономической жизни страны, всегда происходит из месяца в месяц изменение покупательной способности денежной единицы, выражающееся в изменении индексов. Такие перемены бывают по временам года и даже по отдельным дням (например, всегда бывает повышение цен в предпраздничные дни).

Разница с нормальным (обычным) временем состоит в том, что при нормальных условиях мы обычно исходили из предположения об устойчивости денежной единицы и относили изменение индексов (указателей цен) за счет колебания цен товарного рынка. В наших условиях, после ряда лет беспрерывного и очень быстрого падения ценности рубля, приобрели привычку исходить из обратного предположения о неустойчивости денежной единицы. Между тем повышение цен осенью 1923 года об'ясняется неправильной политикой трестов, по внушению свыше, которое затем, опять-таки по внушению свыше, сменилось их падением, так как опыт жизни показал,

что нельзя восстановить весь оборотный и едва ли не известную часть основного капитала повышением цен за один год. Резкое закрытие кредитов заставило тресты понизить цены, что и повело к более быстрой продаже и возвращению полученных от Госбанка ссуд.

Таким образом, этот опыт только подтверждает правильность изложенных выше основных положений о червонце, вполне соответствующих и взглядам Наркомфина тов. Сокольникова. Нам еще придется коснуться вопроса о червонце в связи с предстоящей денежной реформой, а пока мы займемся рассмотрением других сторон деятельности Наркомфина, основным содержанием которых за последние три года была именно подготовка денежной реформы.

ПРОВЕДЕНИЕ ДЕНЕЖНОЙ РЕФОРМЫ.

Теперь мы вплотную подходим к вопросу о проведении денежной реформы. После того, как мы ознакомились в общих чертах с деятельностью Наркомфина за последние годы, представляющей из себя по существу дела проведение подготовительных мер для реформы денежного обращения, нам нужно ознакомиться более подробно с финансовым положением в данный момент и с возможностями проведения реформы. Познакомимся прежде всего с состоянием денежного обращения в настоящее время.

Тов. Сокольников в своем докладе «От дензнака к твердой валюте» дает следующую картину. Нынешнее состояние денежного обращения—говорит он—характеризуется для всех теперь хорошо известными цифрами о том, что, примерно, 4/5 денежной массы, находящейся в обращении, выражено в устойчивой валюте и около 1/5 заключается в совзнаках. Помимо червонцев к твердой валюте могут быть отнесены т. н. транспортные сертификаты. Они были выпущены в сентябре 1923 года с целью подкрепления средств нашего транспорта и заключают в себе купюры менее одного червонца, в 5 рублей золотом. Кроме того, в целях устранения так называемого кассового дефицита, т. е. временного недостатка средств в кассах Наркомфина, выпущены еще краткосрочные обязательства Наркомфина, обеспеченные поступлением будущих платежей. Всего 270—280 миллионов золотых рублей находятся в червонцах и сертификатах и около 70 миллионов в советских знаках. Эти цифры показывают, по словам тов. Сокольникова, значительный рост денежного хозяйства, показывают, что накопление оборотных средств в форме денег происходит довольно интенсивным темпом (довольно быстро) во всех хозяйственных клеточках, конечно, не только в государственном хозяйстве, но и в частных хозяйствах. За счет потребности хозяйства в средствах обращения может происходить увеличение денежной массы без одновременного обесценения денег.

В самом деле, возрождение денежного хозяйства требует значительно большего количества денег, чем то, которое находилось в последнее время в обороте. Перед войной в стране обращалось 1,6 миллиарда рублей кредитными билетами (точнее 1.633 миллиона

рублей), разменными на золото и обеспеченными золотым запасом Государственного банка почти в полной сумме (1.604 миллиона рублей, не считая т. н. «золота за границей»); кроме кредитных билетов находилось в обращении золото и серебро (не говоря уже о меди) на 600 миллионов рублей, так что все обращение исчислялось в 2,2 миллиарда золотых рублей.

С момента об'явления войны (собственно с 23 июля 1914 года) кредитные билеты были об'явлены неразменными и обратились в бумажные деньги. Золото и серебро с момента об'явления войны очень быстро исчезли из обращения, не говоря уже о меди; но зато в обращении появилось такое громадное количество денежных знаков, которого до сих пор не было в истории бумажных денег.

В общем выпуск бумажных денег и количество их в обращении за время войны и революции выразилось в следующих цифрах:

Выпущено в обращение:

С 16 июня 1910 г. по 1 марта 1917 г. (более $2^1/_2$ лет)	8,3	миллиарда.
При временном правительстве	8,3	»
За два слишком месяца 1918 г.	8,9	»
В 1918 г.	33,5	»
В 1919 г.	164,2	»
В 1920 г.	943,6	»
В 1921 г.	16370,8	»
В 1922 г.	19700,0	»

Находилось в обращении:

16 июля 1910 г.	1,6	миллиарда.
1 марта 1917 г.	9,9	»
23 апреля 1917 г.	18,9	»
1 января 1918 г.	23,7	»
1 января 1919 г.	60,8	»
1 января 1920 г.	225,9	»
1 января 1921 г.	1.163,4	»
1 января 1922 г.	17.539,4	»
1 января 1923 г.	1.994.000,0	»
1 октября 1924 г.	22.701.000,0	»

Вместе с тем реальная (действительная) ценность этой бумажно-денежной массы в довоенных рублях, по вычислениям профессора Фалькнера, за это время была следующая:

1 января 1916 г.	3.930,0	мил.	руб.
1 января 1917 г.	3.129,3	»	»
1 января 1918 г.	370,7	»	»
1 января 1920 г.	93,0	»	»
1 января 1921 г.	69,6	»	»
1 января 1922 г.	60,9	»	»
1 января 1923 г.	101,8	»	»

Это поразительное уменьшение ценности бумажно-денежной массы означает, что, под влиянием беспрестанных выпусков бумажных денег, в связи со значительным сокращением производства, наш товарооборот значительно сократился. Дело резко изменилось с появлением червонца, который дал возможность перевести значительную часть средств в форму накопления, тогда как совершать накопление в дензнаках совершенно бессмысленно. С другой стороны, расширяющийся товарооборот требует все большего и большего количества средств обращения. К 1 января 1924 года общая стоимость нашего денежного обращения достигает уже около 360 миллионов рублей, а к осени 1924 года, по предположениям тов. Сокольникова, должна достигнуть 600 милл. руб.

Отсюда полная возможность, как уже сказано, дальнейшего увеличения денежной массы без одновременного обесценения денег, особенно при том условии если будут выпущены в обращение твердые денежные знаки, а не совершенно обесценивавшиеся советские дензнаки.

В самом деле, обесценение наших советских дензнаков за последнее время идет чрезвычайно усиленным темпом. По мнению тов. Сокольникова, в этом отношении значительную роль сыграл переход от легального (законного) курса совзнака к системе подвижного биржевого курса. В самом деле, поскольку государство само ежедневно переоценивает свой денежный знак, следуя за его биржевой расценкой, делая ежедневно накидки к суммам налогов и сборов, выраженным в совзнаках, постольку и все торгующие организации на вольном рынке стали делать ту же самую накидку и предусматривать ее в своих ценах, стремясь застраховать себя от неизбежного легального обесценения, переложить бремя его на покупателя. Можно было заранее предсказать—говорит тов. Сокольников—те последствия, которые будет иметь переход на курсовую систему, и когда еще осенью прошлого (1922) года раздавались голоса за исчисление налогов в золотой валюте с взиманием совзнаками по ежедневному курсу, приходилось тогда всячески сопротивляться этому и доказывать, что переход на курсовой расчет должен иметь последствием ускорение обесценения совзнаков и возможен лишь тогда, когда приблизится возможность отказа от совзнака. Ведь сначала у нас был трехмесячный курс (т. е. платежная сила совзнака определялась, как неизменная, на три месяца), потом перешли на месячный расчет, потом на двухнедельный, потом на однодневный. Весь механизм курсовой системы таков, что за ежедневным пересчетом должен последовать потом пересчет 2 раза в день, затем каждый час, потом через полчаса, как это происходило осенью 1923 года в Германии. Ускорение падения совзнаков есть, по мнению тов. Сокольникова, результат того, что государство, переходя на курсовой расчет, перестает рассматривать совзнаки, как валюту, в которой в течение более или менее продолжительного времени могут производиться платежи государству, и с этого момента все дело сводится к тому, кто кого обгонит в темпе обесценения совзнака—государство

или оборот, повышающий товарные цены в совзнаках. Иначе говоря, наступает агония (предсмертные судороги) совзнака. Эта агония теперь довольно далеко зашла. Я должен сказать—говорит тов. Сокольников,—что если мы шли на курсовую систему, то только исходя из того, что мы переживаем последние месяцы совзначного режима. Наконец, с ноября 1923 г. курсовая система была перенесена в деревню. С того момента, когда денежные эквиваленты пуда хлеба (т.-е. курсы перевода цены хлеба для уплаты налога) стали устанавливаться в деревне в червонцах,—совзнаку вынесен смертный приговор. На этот счет нельзя создавать себе никаких иллюзий (никакого самообмана). После того, как перед крестьянством цены пуда хлеба установлены в червонных копейках, совзнаки могут просуществовать несколько недель, два, три, четыре месяца в лучшем случае, но политика выпуска совзнаков не может существовать не только по экономическим причинам, ибо тогда она превращается в перманентную (постоянную) форму государственного банкротства.

Главная опасность, которая сейчас стоит перед нами—говорит тов. Сокольников—заключается не в том, что мы лишимся совзнаков, а в том, что мы не найдем в себе достаточно разума и силы, чтобы своевременно от них отказаться.

Таким образом, в настоящий момент финансовая реформа является необходимой, и это признается не только руководителем финансового ведомства, но и целым рядом других работников-хозяйственников в число которых входят не только представители финансового ведомства, но и целый ряд работников других хозяйственных ведомств. Приведем мнения некоторых из них.

Н. Н. Кутлер, член правления Госбанка, бывший товарищем министра финансов еще в царские времена, говорит по поводу предстоящей финансовой реформы следующее:

«К идее выпуска мелких денежных знаков в твердой валюте отношусь сочувственно и считаю реформу своевременной и необходимой. Соотношение между червонцем и совзнаком за последнее, время доказало, что совзнаку приходит конец, ибо стремительное падение ценности совзнака в последнее время делает маневрирование им в нашем торговом и промышленном обороте почти невозможным. Рост розничных цен, наблюдаемый за последнее время является, несомненно, последствием резкого падения совзнака и побуждает торговый оборот все время переоценивать товары, дабы догнать курсовую разницу. Мелкие купюры в твердой валюте, естественно, дадут более устойчивую цену товарному рынку. Но проведение денежной реформы представляет большие трудности, ибо она тесно связана с бюджетным дефицитом. Если бы этого не было, реформа была бы проведена без особых трудностей, носила бы технический характер и свелась бы лишь к выпуску Госбанком мелких банкнот. Но так как банковская эмиссия для бюджетных целей служить не может, то приходится прибегать к особой эмиссии казначейского характера.

Надо полагать, что новая казначейская эмиссия в твердой валюте будет иметь успех до тех пор, пока количество новых денег не превысит потребностей оборота в мелких разменных знаках. Эту потребность следует исчислять в 40—50% всего денежного обращения. Размер новой эмиссии, таким образом, является ограниченным, и, если пределы ее не будут нарушены, то не начнется новый процесс ее обесценения.

Поэтому успех денежной реформы в конечном результате зависит от бюджетного хозяйства страны. Если в нашем бюджете дефицит будет сокращаться, то потребность в казначейских знаках будет невелика и не превзойдет потребностей оборота. Если же бюджетный дефицит будет увеличиваться или даже оставаться стационарным (постоянным, таким, как он есть в данное время), то успех реформы может быть скомпрометирован.

Принимая во внимание, что в финансовом хозяйстве республики в последнее время замечаются большие успехи, надо считать, что денежная реформа предпринята своевременно.

Что касается предполагаемого выпуска некоторого количества металлических денег, то это должно облегчить успех реформы. Опасаться, что выпущенное в обращение серебро исчезнет, не приходится, ибо для сбережений имеется банкнота, с которой мелкие серебряные деньги конечно, не могут конкурировать, в силу тяжеловесности и громоздкости».

Председатель правления Российского Коммерческого банка В. В. Тарновский сказал по поводу денежной реформы следующее:

«Денежная реформа, по моему мнению, является своевременной, так как за последнее время дефекты (недостатки) нашего денежного хозяйства, построенного на двух параллельных (т. е. идущих рядом) валютах, обнаружились особенно болезненно.

Может возникнуть сомнение относительно устойчивости нового казначейского знака в твердой валюте. Но если расчеты и предположения руководителей нашей финансовой политики оправдаются, и бюджетный дефицит будет действительно сокращаться, то, конечно, есть основание думать, что устойчивость нового казначейского знака будет обеспечена, так как потребность денежного оборота в мелких знаках настолько велика, что самый спрос будет поддерживать паритетность (равенство) этих знаков по отношению к червонцу.

Имеется и другой пункт, на который необходимо обратить серьезное внимание. Новые казначейские знаки могут неблагоприятно повлиять на устойчивость червонца, если кредитные учреждения будут обязаны принимать в платежи казначейские знаки вместо червонца.

Что касается выпуска мелкой серебряной монеты, то психологический эффект (воздействие на настроение масс) этого мероприятия может быть весьма значительным. Этим путем в сознание масс будет внедряться уверенность, что денежная реформа у нас так или иначе закончена и что мы вступаем в фазу здорового денежного обращения.

Доверие к финансовой политике руководящих органов сильно укрепится, когда население увидит, что после пережитых лет есть

снова возможность перейти к реальному металлическому обращению, хотя в серебряной его части.

Опасение, что мелкая разменная монета будет тезаврирована (спрятана, превращена в сокровище), едва ли оправдается, если план перехода к налогам исключительно в денежной форме будет проведен с достаточной жесткостью, и если самый размен новых денежных знаков на серебро будет производиться беспрепятственно.

Накопленные Наркомфином запасы серебра позволяют предположить, что такой размен не встретит затруднений, тем более, что он необходим только в первый период реформы, пока население не убедится в его возможности. Когда это будет сделано, то, естественно, удобство обращения с бумажными деньгами заставит отказаться от экспериментов (опытов) с разменом их на серебро. Аналогичный (подобный) опыт мы имели в прошлом при денежной реформе Витте, когда ему приходилось даже насильно внедрять золото в оборот.

Признавая намеченную реформу крупным достижением в политике денежного обращения, остается только пожелать, чтобы Наркомфин, принявший решение провести эту реформу, проводил ее планомерно, по строго выработанной системе, с достаточной последовательностью и твердостью».

Другой банковский деятель, председатель правления Московского Городского банка, Н. В. Попов сказал по поводу предстоящей денежной реформы следующее:

«В нашей советской жизни настоящая денежная реформа должна составить эпоху, почти равную по своему значению эпохе периода Витте по введению золотого обращения.

Вопрос о совзнаке решен ходом экономических событий. Умерщвление совзнаков рядом естественных финансовых мероприятий экономически безусловно оправдывается.

Я считаю, что до сих пор мы жили традициями (привычками), и в этом отношении я согласен с тов. Сокольниковым о проявляемой излишней консервативности, так как приходится говорить серьезно о том, что при современном состоянии совзнака имеется возможность вести здоровую хозяйственную политику, конечно, не приходится.

В настоящее время мы находимся в таком положении, когда совзнаки при всей налаженности кредитного аппарата не могут способствовать процветанию промышленности, а тем более нашего сельского хозяйства. Поэтому вопрос о своевременности денежной реформы абсолютно отпадает, и в этой части все сводится лишь к плоскости организационной и технической. Я считаю также вполне правильной оценку состояния нашего бюджета в части его дефицитности. В этом отношении весьма правильно указание проф. Лоевецкого, что история имела примеры твердости валюты и при дефицитных бюджетах. В основе поэтому лежит не дефицит в узком смысле этого слова, а поступательное движение всего хозяйства.

Что касается потребности страны в деньгах, как орудии денежного обращения, то, конечно, та общая сумма, какую мы сейчас имеем, является недостаточной, и в будущем она будет постепенно увеличиваться».

Несколько с другой стороны оценивает финансовую реформу член коллегии Наркомфина тов. А. И. Вайнштейн. Он говорит следующее:

«Финансовая реформа подготовлена всем развитием нашего финансового хозяйства и всеми мерами, проведенными в этой области до сих пор.

Из прежде приведенных бесед видно, что у некоторых финансовых деятелей имеется опасение, как бы слишком большой бюджетный дефицит не подорвал реформы. Эти опасения законны, но пока для них нет никаких оснований. Если взять тот проект бюджета, который внесен Наркомфином СССР в высшие учреждения нашего Союза, то в нем дефицит составляет всего около 180 милл., т. е. около одной десятой всего бюджета. Ко времени введения реформы значительная часть этого дефицита уже будет покрыта эмиссией совзнаков, так что на долю вновь выпускаемых казначейских билетов в золотом рубле придется гораздо меньшая сумма, которая, поскольку она будет выпускаться в оборот постепенно, очень легко войдет в денежное обращение.

Другое опасение, которое может возникнуть и отчасти возникает при проведении денежной реформы, сводится к тому, как отнесется к новым деньгам крестьянство. По моему мнению, и в этой области опасения не основательны. Эмиссионный налог по совзнаку ложился большею частью на крестьянство. С тех пор, как мы стали собирать с.-х. налог в твердом червонном исчислении, и с тех пор, как совзнак стал обнаруживать тенденцию (стремление) к очень чувствительному для его держателей падению, крестьянство стало выталкивать находящиеся у него совзнаки с неменьшей энергией, чем городское население.

Крестьянство является по преимуществу держателем разменных денег. Больших сбережений оно не имеет. Червонец для его оборота является слишком крупной купюрой. Оно испытывает общую потребность в разменных деньгах и, несомненно, очень благосклонно встретит казначейские билеты в золотом исчислении. Поступление с.-х. налога этого года показало, что крестьянство стремится решительно покончить с остатками натурального хозяйства. Поскольку будущий с.-х. налог будет уже исключительно денежным и в золотом рубле и поскольку казначейские билеты будут законными платежными единицами, постольку мы имеем все основания к тому, чтобы предполагать, что крестьянство их сразу примет как необходимые для оборота деньги. Это значительно расширит сферу денежного обращения и создаст новую, очень крупную потребность в новых разменных деньгах.

Само собой разумеется, что руководителям нашего финансового хозяйства придется принять с самого начала очень большую осто-

рожность при выпуске новых денег. При рассмотрении бюджета придется чрезвычайно серьезно считаться с недопустимостью увеличения размера бюджетного дефицита сверх того, который уже намечен.

Денежная реформа затрагивает решительно все области нашего народного хозяйства и интересы всех ведомств. Пока еще трудно предвидеть те огромной важности изменения и улучшения, которые она внесет во все наше хозяйство и во всю нашу государственную жизнь. Следует предположить, что все наши наркоматы и представители всех высших органов проявят к ней вполне бережное отношение и пойдут на целый ряд самоограничений для того, чтобы она была проведена безболезненно и легко привилась к нашему народному хозяйству».

Председатель правления Всероссийского Кооперативного Банка Д. Илимский-Кутузов высказал следующие мысли:

За последние два месяца положение банков и крупных организаций, оперирующих большими суммами, стало чрезвычайно тягостным из-за расстройства нашего денежного обращения.

Стремительное падение советского рубля, постоянная разница между оффициальным и неоффициальным курсом червонца, исчезновение червонца из делового оборота и возникшие в связи с этим затруднения с его покупкой для нужд торгового оборота, неравномерное распределение совзнаков и червонцев в отдельных частях Республики—все это в совокупности сыграло серьезную роль в расстройстве денежного обращения.

Учитывая создавшуюся обстановку, мы с громадным интересом и большим сочувствием относимся к намечаемой Наркомфином денежной реформе.

В целях достижения наибольших благоприятных результатов при проведении реформы, по моему мнению, необходимо, чтобы Наркомфин применил широкую гласность ко всем намечаемым им мероприятиям в области валютной реформы и открыл под своим руководством широкую агитационную кампанию в центральной и провинциальной печати по вопросу о денежной реформе».

Мнение заместителя начальника валютного управления Р. Я. Карклина сводится к следующему:

«Предстоящие мероприятия в области упорядочения денежного обращения — замены падающего совзнака твердым казначейским знаком—следует рассматривать, как определенный этап по пути к устойчивой золотой валюте.

Основная работа по реформе денежного обращения у нас уже проделана. Мы имеем к настоящему времени в обращении червонцев на 240 миллионов, совзнаков на 60 миллионов и сертификатов на 12 миллионов руб., т.-е. 252 миллиона устойчивой и 60 миллионов падающей валюты.

Поскольку вопрос идет о реформе той части, которая выражена цифрой в 60 миллионов руб., или менее $^1/_5$ всей массы денег, имеющихся в обращении, постольку ясно, что говорить следует не о денежной реформе, а о более скромном вопросе—дальнейшем сужении

области совзначного обращения и постепенной замены его другой, более удобной счетной единицей.

На эту замену нас толкают три основные причины. Во-первых, совзнак, при вынужденной системе ежедневного пересмотра его курса, становится совершенно неприменимым даже в роли разменного знака к червонцу; во-вторых, нынешнее состояние совзнака способствует искусственному сокращению нужного для нормального оборота количества разменных денег и, в-третьих, совзнак создает ненормальные отношения на рынке, в смысле нормализации (определении) цен.

Настоящее состояние государственного хозяйства нам дает возможность провести указанную реформу, ибо бюджетный дефицит уменьшился настолько, что новая эмиссия твердого казначейского знака в пределах этого дефицита будет вызываться постепенной потребностью в разменных деньгах в связи с возрастающим хозяйственным оборотом.

Сейчас у нас имеется потребность в твердых разменных деньгах до 150 миллионов руб., а к осени она, очевидно, увеличится до 200 миллионов руб. Эта цифра и 15-миллионный месячный дефицит нам обеспечивают его покрытие в течение 10—12 месяцев и гарантируют успех реформе.

Что касается серебра, то, по моему мнению, выпуску банкового рубля и полтинника следует придать исключительно психологическое значение. На выпуск же разменного серебра и меди следует смотреть, как на более удобную, чем бумажки, форму разменных денег.

Хотя вопрос о замене совзнака твердым казначейским знаком в общем небольшой, но, поскольку деревня до сих пор еще живет почти исключительно им, он приобретает свое значение. К реформе следует подходить очень осторожно, дабы не расстраивать только что налаживающийся деревенский рынок, а, наоборот, следует добиться его оздоровления в связи с реформой.

Для города, который уже живет устойчивой валютой—червонцем, экономически реформа совзначного обращения непосредственно много не даст, но зато она в этой области много даст деревне.

Вопрос о смычке деревенского и городского рынков после реформы сам собой станет на более прочные рельсы, чем теперь.

По мнению председателя правления центросоюза тов. Л. М. Хинчука, денежная реформа безусловно назрела и проведение ее совершенно своевременно.

В виду тесной связи основных сторон народного и финансового хозяйства—говорит он—нельзя устанавливать очередь в том смысле, кто кому первый должен прийти на помощь — твердая валюта промышленности или наоборот. Необходимо немедленно приступить к проведению денежной реформы и в то же время крайне бережно отнестись к народному хозяйству страны. Необходимо так построить реформу, чтобы она укрепила промышленность и товарооборот.

Касаясь вопроса о возможности установления твердой валюты, надо сказать, что она возможна только при бездефицитном или

малодефицитном бюджете. При твердом же решении и большом напряжении государственная власть в состоянии уже в предстоящем году свести дефицит к минимуму.

Выпуск мелких разменных денег не поколеблет устойчивости валюты, если он будет производиться в пределах, действительно соответствующих потребности товарооборота, с учетом современных размеров сокращения этой потребности по сравнению с довоенным уровнем.

Переходя к вопросу о положительном влиянии банковской эмиссии, я считаю, что оно обусловлено планомерным и целесообразным производительным использованием ее.

Роль промышленности в построении бездефицитного бюджета в наших условиях громадна, но прибыльность или убыточность промышленности в значительной мере зависит от обще-финансовой и валютной атмосферы.

В оценке роли натурналога я согласен с Г. Я. Сокольниковым, равным образом и в вопросе об устойчивости твердой валюты, которая, по мнению Г. Я. Сокольникова, обусловлена положительным торговым и платежным балансом. Отсюда громадное значение экспорта (вывоза) и планомерного экономически-целесообразного импорта (ввоза).

Вполне соглашаюсь с тов. Сокольниковым и в вопросе о введении в оборот серебряных денег и в оценке устойчивой валюты, как единственно экономически мыслимого надежного моста между городом и деревней в общем народно-хозяйственном обороте.

По словам заместителя председателя правления Центросоюза А. И. Швецова совершенно ясно, что твердый расчет на основе устойчивой валюты даст прочную базу для строительства хозяйства во всех областях жизни. В этом и заключается своевременность намеченной реформы. Ясно также и то, что в условиях падающей валюты не только затруднен расчет, но и велика тяжесть, ложащаяся на отдельные отрасли хозяйства, а вместе с тем на бюджет рабочего и крестьянина.

Если к вопросу о денежной реформе подойти с точки зрения влияния ее на наше торговое дело и, в частности, на кооперативное хозяйство, то следует сказать, что твердая валюта, идущая на смену падающему совзнаку, даст одно из непременных условий для искоренения ряда ненормальностей, существующих в торговом деле в настоящее время.

По опыту кооперативной торговли мы знаем, что переход в свое время от исключительно падающей валюты-совзнака—к твердой валюте—червонцу, дал возможность вести твердый торговый расчет в операции крупных кооперативных организаций. Ограниченная эмиссия червонцев и наличие параллельной эмиссии в виде совзнаков по отношению к системе кооперативного хозяйства не дали возможности провести твердый расчет на червонец дальше крупных кооперативных организаций (союзы и крупные рабочие кооперативы). Что же касается первичных кооперативов, то подавляющее большинство их, в

особенности кооперативы сельских местностей, ведут свою работу исключительно на совзнаки. Мало сказать, что это условие затрудняет работу первичных кооперативов; во многих случаях падающая валюта для первичных кооперативов означает полную невозможность вести торговое дело. В условиях оторванности мест покупающих от мест продающих товар, падение совзнака всей силой ложится на кооперативное хозяйство.

Ясно, что кооперация встретит реформу денежного обращения, как мероприятие крайне целесообразное и с точки зрения общего хозяйства, и с точки зрения хозяйства кооперативного.

Касаясь положений тов. Сокольникова относительно перехода от совзнака к твердой валюте, я совершенно согласен с ним в той части, где он говорит, что твердая валюта должна прийти на помощь промышленности, а затем последняя придет в свою очередь на помощь в укреплении валюты.

Для меня также совершенно ясно, что построение бездефицитного бюджета совершенно возможно, и никаких опасений в этом направлении мы, хозяйственники, не видим.

Что касается реформы натурналога, то, по моему мнению, она является составной частью реформы денежного обращения, без которой сама реформа может оказаться произведенной наполовину.

Несколько более мрачно смотрит на возможные последствия денежной реформы председатель правления Промышленного банка В. Н. Ксандров. В данный момент—говорит он—реорганизация нашего денежного обращения стала неизбежностью. Чем вызвана эта неизбежность и была ли необходимость ее форсировать (насильственно ускорять)—этот вопрос может иметь теперь только академическое (т.-е. только научное) значение.

Важнее предусмотреть возможные последствия этой реорганизации на ближайший период времени. О преимуществах твердой валюты вообще говорить не приходится. Предусмотреть же последствия реформы необходимо для того, чтобы подготовиться к ним. С этой точки зрения мне представляется возможным отметить, что пока в условиях нашего товарооборота в целом, в условиях работы государственных предприятий и нашего налогового обложения в наличности есть еще много данных, ставящих под удар успешность предпринимаемой наркомфином меры оздоровления нашего денежного обращения. Во всяком случае, проведение этой реформы потребует огромного напряжения со стороны всего государственного аппарата по созданию для нее благоприятных условий. Я ожидаю периода сжатия и затишья в торговом обороте по причине ухода из обращения той части денежного обращения, какая в настоящее время форсирует товарооборот. Последствия этого явления для наших хозяйственных органов, еще не оправившихся от осеннего кризиса, предусмотреть не трудно. К ним теперь же следует приготовиться.

Приведем, наконец, интересные соображения, высказанные по поводу денежной реформы начальником главного управления сберегательными кассами Я. Н. Таргуловым.

По его мнению, сберегательные кассы — финансовый аппарат, имеющий особое назначение. В сберкассах заинтересовано и финансовое ведомство и широкие круги трудящегося населения. Сберкассы—это каналы денежного обращения и могучий аккумулятор (собиратель) непроизводительного капитала. Поступая в сберкассу, разрозненные денежные суммы становятся оборотным народно-хозяйственным капиталом, направляемым на производственные цели. При скромных размерах наших оборотных денежных средств последнее обстоятельство имеет особо важное значение.

Для трудящихся сберкассы — надежные и выгодные хранилища свободных остатков трудовых средств. В то же время они—удобный орган для производства клиентами сберкасс разного рода денежных операций: расчетов с другими лицами, пересылки перевода денег в другое место и т. д. В условиях падающей валюты наши сберкассы выполняют исключительную роль государственной важности: страхование вкладов трудящихся от обесценения.

По осуществлении денежной реформы момент страхования вкладов сам собой окажется излишним. Независимо от этого условия значение и роль касс не умаляются. За это говорит, с одной стороны, опыт работы вообще сберегательных учреждений при твердой валюте, а с другой—то сознательное доверие, которое приобрели наши сберкассы у трудящихся масс за короткий срок едва годового существования.

Даже в условиях теперешней падающей валюты стабильность (устойчивость) годового остатка вкладов в наших сберкассах—в соответствии с периодом работы и пропорционально размеру обращающейся твердой валюты—не ниже, чем в дореволюционных сберкассах.

Размер общего остатка вкладов на 1 января 1924 г. при современном заработке рабочего (в среднем до 75% довоенного заработка) дает основание думать, что при возможном увеличении заработка, в связи с развитием промышленности и при условии постепенного сжимания «ножниц», размер вкладов не уменьшится даже в случае отпадения момента страхования последних.

Что касается общего размера капитала, который может быть через вклады сосредоточен в сберкассах, то это будет зависеть от степени насыщения страны, с одной стороны—валютой и с другой—сберегательными органами.

Опыт прошлого говорит, что при надлежаще развитой сети сберкасс в течение известного периода количество стабильных вкладов может достигать 75% цифры госбюджета и значительной части обращающихся в стране денег. В последний перед войной год количество обращающихся в стране кредитных билетов было 1.664.000.000 руб., что по отношению к цифре бюджета составило всего около 60% с небольшим.

Наш бюджет на 1923—1924 г. исчислен в сумме 1.700.000.000 р. Между тем вся наша валюта в золотом исчислении в настоящее

время выражается примерно 350.000.000 руб., или 20% к сумме бюджета.

Предстоящая реформа, конечно, приведет наше денежное обращение к более нормальному соотношению с бюджетом.

Нет сомнения, что сберкассы не останутся в стороне от финансовой жизни страны в новых условиях. Для этого необходимо лишь направить вновь работу сберкасс на привлечение клиентуры путем популяризации последних, а главное—необходимо принять все меры к развитию сети сберкасс [1].

Таковы в общих чертах мнения банковских и хозяйственных деятелей по поводу предстоящей денежной реформы. В общем большинство этих деятелей сходятся в том, что реформа денежного обращения у нас является вполне своевременной и, по всей вероятности, должна увенчаться полным успехом, а это будет иметь громадные последствия для всей экономической жизни страны. Откладывая полную оценку предстоящей реформы до заключительной главы, я считаю здесь нужным заметить, что важность и благотворность реформы скорее недооценена, чем переоценена.

Для того, чтобы выяснить себе этот вопрос со всех сторон, необходимо, с одной стороны—более подробно ознакомиться с частностями предстоящей реформы, а с другой—возможно более подробно осветить ее экономические предпосылки.

Начнем с первого. 5 февраля 1924 года издан декрет о выпуске твердых казначейских знаков, сущность которого сводится к следующему: Народному Комиссариату Финансов предоставляется право произвести выпуск государственных казначейских билетов в золотом исчислении. Билеты выпускаются купюрами в 1, 3 и 5 рублей, всего на сумму 20.000.000 руб. зол. (первый выпуск).

Согласно декрета казначейские билеты обязательны к приему по всей территории СССР кассами НКФ в платежи налогов и сборов и всеми учреждениями и предприятиями и лицами по номиналу в случае, если платеж исчислен в золоте и по оффициальному курсу, если платеж исчислен в совзнаках.

В основу этого декрета положены следующие соображения:

Крупный и средний денежный оборот уже получил у нас устойчивую валюту в виде банкнот, окончательно утвердившихся в народном обращении. Мелкий же оборот обслуживается до сих пор неустойчивыми совзнаками, сведенными к роли разменных денег и занимающими в системе денежного обращения ограниченное место. В то время как Госбанком выпущено 20 миллионов червонцев, вся сумма совзнаков в обращении по ценности своей не достигает и 7 миллионов рублей. Действительная же потребность оборота в мелких деньгах, по крайней мере, вдвое превышает эту сумму.

Разменные кризисы (недостаток разменных денег) составляют у нас в последнее время частое явление, и неоднократно наблюдались

---

[1] «Финансовая газета», январь 1924 года.

случаи лажа (т.-е. надбавки к обычным ценам) не только на мелкие купюры червонца, но и на мелкие купюры совзнака. В то же время кассы Наркомфина, Наркомпочтеля, НКПС, Госстраха и других учреждений несут значительные потери на курсе совзнаков, проходящих через них.

Декрет Совнаркома СССР имеет в виду выпуск казначейских билетов в мелких купюрах, которые должны служить дополнением к банковской эмиссии и дать населению мелкие устойчивые деньги. Гарантией их устойчивости явится то, что они будут выпускаться в пределах лишь действительной потребности оборота в мелких деньгах. Декрет, в виду этого, устанавливает, что в отношении общей суммы выпуска казначейских билетов должен быть установлен твердый предел: казначейские билеты в общей сумме должны составлять не свыше половины выпущенных в обращение червонцев на первое число каждого месяца. При этом условии мелкие разменные деньги составят не более $^1/_3$ всей денежной массы—норма, которая соответствует доле мелких денег в денежном обращении довоенного времени. Так как выпуск банкнот производится в меру действительной потребности в них торгового оборота, то и выпуск казначейских билетов будет находиться в зависимости от действительной потребности оборота в мелких деньгах.

В виду необходимости с особенной осторожностью сообразоваться при выпуске новых денег с твердым курсом, с потребностями торгового оборота, декрет устанавливает, что размеры каждого отдельного выпуска казначейских билетов должны устанавливаться особыми постановлениями Совета Труда и Обороны. Наркомфин же будет обязан ежемесячно публиковать данные о сумме выпуска казначейских билетов на 1 число каждого месяца [1].

Кроме того в ближайшем будущем предстоит выпуск звонкой разменной монеты, а именно, банковского серебра (из которого в прежнее время изготовлялись рубли, полтинники и четвертаки) и разменного серебра (двугривенные, пятиалтынные, гривенники) [2].

Для этой цели спешно переоборудывается Монетный двор, который, после 6-ти лет застоя, находился в последнее время в очень плачевном состоянии. Даже с точки зрения технической он устарел, представляя собой один из древнейших работающих в России заводов.

В настоящее время намечен план переоборудования Монетного двора с таким расчетом, чтобы к 1 октября 1924 г. он был переоборудован согласно последним требованиям техники. В настоящее время завод приводится в движение одним паровым двигателем при помощи очень сложной системы передач. Теперь производится

---

[1] Постановлением СТО СССР от 22 февраля 1924 г. разрешен второй выпуск казначейских билетов на сумму в 30 миллионов золотых рублей.

[2] Серебряная монета выпущена в обращение декретом ЦИК СНК СССР от 22 февр. 1924 г.

постепенная смена этого оборудования на электрические моторы. Станки для чеканки монет уже в настоящее время переведены на электричество. В ближайшем будущем предстоит перевод на электрическую энергию прокатных станков. Плавильня работает на дровах, но будет переведена на нефть. Вместе с этим переделываются и печатные штампы. До сих пор, при закалке на дровах, они выдерживали от 5.000 до 6.000 ударов. Последние опыты по закалке усовершенствованным способом дали значительно лучшие результаты. Можно предполагать, что удастся довести количество ударов, выдерживаемых одним штампом, до 60.000.

В настоящее время (с 1 января 1924 г.) работа производится в две смены, а к 1 октября предположено пустить работу уже в три смены. Тогда производительность Монетного двора будет вполне соответствовать действительной потребности в металлической монете для нормального обращения, учитывая, что количество денег, которое будет в обращении, возрастет по отношению к настоящему времени примерно вдвое.

Таким образом, наряду с казначейскими знаками, выпускается в большом количестве и серебряная валюта, что имеет очень большое значение для успеха реформы. По мнению тов. Сокольникова, едва ли можно задачу создания разменных казначейских денег, этой вспомогательной устойчивой валюты, решить за счет выпуска только бумажных денег. По его мнению, это невозможно, прежде всего потому, что по отношению к казначейской эмиссии, как чисто бумажным деньгам, будет существовать законное недоверие. Если банкноты обеспечены золотом и валютой, находящимися в пределах банка, то в казначейской эмиссии это обеспечение должно быть связано непосредственно с самими обращающимися дензнаками. Если бы мы в обеспечение этих разменных казначейских знаков создали бы некоторый металлический фонд и положили бы его в подвалы, то это означало бы, что мы создали вторую банкноту, а это едва-ли разумно. Вместо этого мы предполагаем выпустить серебряный рубль. Серебряные рубли на 55% носят свое обеспечение в себе, и, таким образом, эти деньги, не являясь полноценными деньгами, будут в своем роде доброкачественными кредитными деньгами, имеющими высокую металлическую стоимость. Таким образом, серебряный рубль и мелкие серебряные деньги явятся, вместе с бумажными казначейскими билетами, законным добавлением банкнотной эмиссии.

Таким образом, кроме разменных казначейских знаков, которые уже выпущены с 8 февраля, предполагается выпуск серебряной валюты, и у нас частично восстанавливается металлическое обращение [1]. Все эти меры будут проведены в течение самого ближайшего времени, а там не за горами уже и обещанный при выпуске червонцев размен на золото.

---

[1] См. предыдущее примечание о выпуске серебра.

ОЦЕНКА ДЕНЕЖНОЙ РЕФОРМЫ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ.

Прежде чем дать оценку предстоящей денежной реформы, ее последствий и ее влияния на экономическую и политическую жизнь страны, попробуем выяснить, насколько обеспечены те основные условия, о которых приходилось говорить и раньше, а именно: 1) достаточное сокращение бюджетного дефицита, 2) реформа натурального налога и 3) активность торгового баланса.

Первый вопрос в особенности возбуждает сомнение у многих лиц, высказывавшихся о денежной реформе. Мы уже познакомились с отзывами некоторых хозяйственников и у многих из них слышали выражение некоторой недоверчивости к возможностям сведения нашего бюджета без дефицита. Недоверчивость эта вполне законна, если мы вспомним данные о колоссальных дефицитах в нашем бюджете со времени начала мировой войны. Однако, мы сейчас увидим, что с этой стороны дело обстоит гораздо лучше, чем можно было ожидать, и что недоверчивые хозяйственники не учитывают диалектики экономического развития, т.-е. не учитывают того, что самая реформа является громадным двигателем нашего хозяйственного развития, которое не может не отразиться самым благотворным образом на состоянии наших будущих бюджетов.

Попробуем более подробно разобраться в этом вопросе. Наш бюджет на 1923|24 год можно свести приблизительно к следующим цифрам:

Расходы исчислены в 1.750,2 милл. червонных рублей (впервые наш бюджет составляется в червонном исчислении, что составляет крупный шаг вперед). В эту сумму не входят расходы Закавказской федерации, а также т. н. «золотая смета», т.-е. расходы за границей в золотой валюте. На покрытие этой суммы расходов предполагается к поступлению:

Обыкновенных доходов	1.301,5 милл. ч. р.
Чрезвычайных доходов	448,7 » » »

Эти чрезвычайные доходы составляются из следующих сумм:

От реализации госфондов	15,3 милл. ч. р.
» » валюты	51,3 » » »
» кредитных операций	292,1 » » »
» эмиссии	180 » » »
	448,7 милл. ч. р.

Последние две статьи и являются покрытием чистого дефицита бюджета, равного, таким образом, 382,1 милл. р. Обыкновенные доходы исчислены Наркомфином с достаточной осторожностью, на основании опыта прошлого года и учета состояния народного хозяйства. Трудно предполагать возможность значительного изменения этой суммы в сторону увеличения. Это означает, что наш бюджет в результате трехлетней упорной работы становится действительным, реальным бюджетом, о чем приходилось только мечтать всего полтора—два года тому назад.

Мы видим здесь, что для покрытия бюджетного дефицита существуют два источника—кредит и эмиссия. При этом совершенно невозможно рассчитывать, чтобы нам в течение года удалось получить от кредитных операций большую сумму, чем та, которая намечена в бюджете. Опыт прошлых лет показал, что наше народное хозяйство еще не накопило достаточных излишков и что займы проводятся с большими трудностями и напряжением. Проведение двух предполагаемых займов, на сумму около 100 миллионов рублей каждый, по всей вероятности, потребует очень большого напряжения и настойчивости.

Поэтому является чрезвычайно важным, чтобы намеченная сумма в 180 миллионов была бы пределом для эмиссионного дохода. Уже в прошлом году С'езд Советов принял закон об ограничении эмиссии, и мы видим в этом отношении большие успехи.

В неустанной борьбе за оздоровление государственного бюджета роль кредитных операций, по сравнению с ролью эмиссии, возрастала постоянно. Если мы возьмем данные о бюджете за 1922/23 г., то мы увидим, как неуклонно по кварталам (по четвертям года) уменьшается роль эмиссии и увеличивается роль государственного кредита. Кредитные операции, постепенно развиваясь, стали одним из наиболее крупных источников покрытия бюджетного дефицита и неуклонно понижали значение эмиссии, как источника дохода.

Эта перемена ролей видна из следующей таблицы:

Кварталы бюджетного 22/23 года.	Сумма бюджетного дефицита (в милл. р.).	Доход от эмиссии в милл. р. зол.	% к общей сумме дефицита.	Доход от кред. операций.	% к сумме дефицита.
1	126,7	123,8	97,7	2,9	2,3
2	125,7	199,9	87,4	15,7	12,6
3	128,0	91,3	71,3	38,7	28,7
4	148,6	84,2	52,1	64,7	47,9
Всего за год	529,0	499,2	94,5	122,0	23,0

Эта таблица показывает, что при довольно устойчивой цифре квартальных дефицитов в 1922/23 г. значение эмиссии, как источника покрытия дефицита, постепенно сокращалось, тогда как роль доходов от займов прогрессивно возрастала и притом как в абсолютных цифрах, так и в процентном отношении, достигнув к концу бюджетного года 48%.

Размер государственных операций на 1923/24 бюджетный год исчислен в 202,1 милл. рублей, если не считать доходов от выпусков платежных обязательств Наркомфина на сумму в 240 милл. руб., погашаемых в том же бюджетном году. Прочие виды займов распределяются следующим образом:

1-й выигрышный заем	45,0
2-й хлебный заем	3,6
Сахарный заем	11,0

8% золотой (гарантированный) заем	50,0
Проект. 2-й выигрышн. заем	50,0
Проект. краткосрочн. заем	25,0
Выпуск транспортных сертификатов	17,5
Итого	202,1 м. р.

Мы видим теперь, что у нас есть все основания предполагать, что если нам и не удастся в ближайшее время свести бюджет без дефицита, то он, во всяком случае, сведется к минимальной цифре и, с другой стороны, по крайней мере, наполовину будет покрыт кредитными операциями, что нисколько не повлияет на устойчивость вновь выпускаемых твердых денежных знаков. Сравнительно очень небольшая сумма, в 180 милл. рублей, которая в предстоящем бюджетном году должна быть покрыта путем эмиссии. Но не следует забывать, что в течение первого полугодия этого бюджетного года мы получаем эмиссионный доход от «старого доброго коняги», как выразился т. Каменев, т.-е. от старого обреченного на слом дензнака, так что на долю вновь выпускаемых казначейских билетов останется сравнительно немного.

Далее, чрезвычайно важным является то обстоятельство, что при переводе бюджета на червонное исчисление увеличиваются действительные поступления всех ведомств и уменьшаются курсовые потери хозяйственных ведомств, при переходе полученных сумм из рук в руки, при даже самом кратковременном хранении их в кассах.

По вычислениям проф. Шнейдера убытки железных дорог от курсовой разницы составили в октябре 1924 года 275.000 р., т.-е. 5% всей выручки. В ноябре и декабре эти потери были еще выше. Народный Комиссариат Путей Сообщения принимает сумму потерь за октябрь—декабрь 1923 года равной 12 миллионам червонных рублей. Народный Комиссариат Почт и Телеграфов исчисляет потери на курсовой разнице не меньше 9%. Если даже подойти к этим цифрам с некоторой осторожностью, то во всяком случае приходится признать, что потери являются очень чувствительными. Можно даже думать, что в связи с чрезвычайно сильным падением совзнака в последние месяцы 1923 года они могут быть еще больше. Вопли по поводу этих потерь раздаются в последнее время со всех сторон.

Еще в прошлом (1923) году т. С. С. Струмилин произвел вычисление, что после известной границы эмиссия становится невыгодной для государства, поскольку оно свои доходы получает в той же обесцененной валюте.

Завершение денежной реформы положит конец этим потерям, уменьшит дефицит государственных предприятий и увеличит действительную стоимость тех средств, которые выдаются из государственной казны. Таким образом, денежная реформа сама по себе увеличивает реальность (действительность) самого бюджета и реальность тех средств, которые выдаются из государственной казны. Поэтому для бюджета в целом и для отдельных его частей предстоящая денежная реформа является огромным достижением. Все, без исключения,

отрасли государственного хозяйства и государственной работы от денежной реформы непосредственно выигрывают.

Для более подробного ознакомления с нашим бюджетом, приведем, помещенную в оффициальном еженедельном органе Наркомфина, беседу с начальником бюджетного управления т. Н. И. Рейнгольдом.

«Прежде чем говорить о бюджете 1923—24 г., — начал т. Рейнгольд,—необходимо остановиться на результатах истекшего бюджетного года.

Бюджет прошлого (1922—23) года составил около 1,5 миллиардов червонных рублей, если считать товарные рубли (по индексу Госплана на первое число каждого месяца) равными червонным рублям, что в действительности и имело место, фактическое исполнение бюджета даст сумму на 10 или самое большее 15% меньшую.

Налоги составили в этом бюджете около $^1/_3$—350 милл. руб., за вычетом отчислений местам. Доходы транспорта и связи около 425 милл., прочие неналоговые доходы—45 милл., займы—80 милл. и эмиссия 415 миллионов (по другим данным 460 милл. рублей). Истекший бюджет был дефицитен, следовательно, на 40%, и решающую роль в покрытии этого дефицита в первые три квартала играла эмиссия, доход от которой составил около 30% всего дохода.

Не только наши друзья, но и наши враги вынуждены признать что мы завершили этот год сравнительно с небольшим дефицитом являющимся доказательством упрочения нашего финансового положения. Быстрый рост налогов, финансовые успехи транспорта, развитие кредитных операций—таковы решающие достижения прошлого года. Таким образом, мы начинаем бюджет 1923/24 года в благоприятной обстановке и при заметном оздоровлении всего нашего денежного хозяйства.

Бюджет этого года исчислен нами в сумме от 1.650 милл. р. до 1.700 милл. р., что составит по отношению к уже исполненному бюджету прошлого года увеличение почти на одну треть, а если учесть операции с выпуском краткосрочных обязательств Центрокассы, это составит около 2 миллиардов рублей. Бюджет царской России в 1913 году, взятый применительно к той же территории, которая находится под властью Советов, составлял, по тщательному исследованию этого вопроса,—$2^1/_2$ миллиарда рублей. Мы так далеко шагнули вперед, что наш бюджет в наступающем бюджетном году составит уже около 80% бюджета 1913 года [1].

Из этой суммы,—говорит далее т. Рейнгольд, — мы предполагаем только 10—15% покрыть эмиссией, которая, таким образом, сократится вдвое. Ожидаемые поступления налогов составят в наступающем году около 550 миллионов рублей.

Доход от транспорта предполагается повысить на 200 миллионов рублей. Всего мы предполагаем получить в бюджетном 1923—24 году дохода от транспорта 570—600 миллионов рублей. Эта сумма по-

[1] Теоретически неправильно причислять к бюджету обязательства Центрокассы. Поэтому наш бюджет составляет около 68% бюджетов царского времени.

кроет все эксплоатационные расходы транспорта и даст даже некоторую прибыль от эксплоатации, которая будет оставлена в распоряжении Наркомпути, как оборотный капитал на дальнейшее улучшение эксплоатации, расширение сети, возведение новых сооружений и некоторое улучшение быта транспортных рабочих—одна из задач, которую мы преследуем в бюджете этого года.

Вообще, следует заметить, что наш транспорт в этом году окончательно встал на ноги и, впервые за время революции, закончит свой эксплоатационный баланс с прибылью [1].

Доход от транспорта составит в этом году около $^1/_3$ всех наших доходов и значительно повлияет на оздоровление нашего бюджета.

Прочие неналоговые доходы составят в этом году, примерно, 150 миллионов рублей, в том числе 25 миллионов рублей дохода от промышленности (который первый раз появляется в нашем государственном бюджете), около 15 миллионов рублей прибыли от торговых предприятий и не менее 30 миллионов рублей от лесного дохода.

В общем, следует отметить стремление в этом бюджетном году повысить неналоговые доходы, что должно отразиться на уменьшении налогового бремени крестьянства.

Таково в общих чертах состояние нашего доходного бюджета (о кредитных операциях мы уже раньше говорили подробно).

Теперь относительно расходов.

Расходы текущего года,—говорит т. Рейнгольд,—будут обращены в первую очередь на поддержку сельского хозяйства, крупной промышленности и транспорта, дальнейшее ведение работ по электрофикации и некоторое увеличение заработной платы рабочим и служащим.

Для поддержки крестьянского хозяйства учреждается в этом году сельско-хозяйственный банк, основной капитал которого будет отпущен из государственных средств и составит 10 милл. р.

Помимо основного капитала, из бюджета этого года будут выделены значительные суммы на специальные надобности по сельскому хозяйству: на снабжение крестьянства сельско-хозяйственными машинами, на покупку рабочего и племенного скота, семеноводство, совхозы, мелиорацию и сельско-хозяйственную кооперацию. Всего будет выделено на нужды сельского хозяйства не менее 25 миллионов рублей.

Что касается промышленности, в предстоящем бюджетном году будет сохранена крупная государственная дотация (помощь, субсидия) только для каменноугольной промышленности и металлургии. Совсем снята с государственного бюджета наша нефтяная промышленность, которая за последний год настолько окрепла, что не нуждается в поддержке государственного бюджета. Для кредитования же легкой индустрии (сюда входят: ткацкая, прядильная, деревообра-

[1] Эти ожидания не оправдались полностью, но дефицит транспорта сильно уменьшился.

батывающая, пищевая промышленность и т. д.) предполагается значительное увеличение капитала Промышленного банка.

Значительное место государственных расходов этого года отводится на дальнейшее развитие работ по электрификации республики. Отпущено до 25 миллионов рублей по постройке Волховстроя, Шатурской и других станций и на электрификацию сельского хозяйства.

Из числа существенных особенностей этого бюджета надо отметить то обстоятельство, что бюджет этого года впервые будет построен на союзном принципе. Расходы и доходы распределены по союзным ведомствам и отдельным республикам. Смета Закавказской федерации пока не входит в государственный бюджет СССР, ввиду наличия там собственной эмиссии и составит особое приложение к бюджету.

До сих пор (к 1 февраля 1924 года) бюджет не получил еще окончательного утверждения, и поэтому цифры, сообщенные т. Рейнгольдом, могли потерпеть (и действительно потерпели) некоторое изменение. Но для нас в данный момент, для оценки перспектив предстоящей денежной реформы, важны не отдельные цифры, а общий характер нашего бюджета. Мы видим здесь, что наш транспорт, составляющий около трети всего бюджета, становится бездефицитным (впоследствии выяснилось, что он нуждается в некоторой субсидии, но очень незначительной, по сравнению с еще очень недавним временем). Промышленность, служившая главным источником дефицита, явно оправляется, и, в общем, положение носит все признаки явного улучшения и значительного приближения к полной бездефицитности.

По сути дела,—говорит по этому поводу т. Сокольников,—наш нынешний бюджет является бездефицитным. Дефицит в нем имеется в силу того, что мы должны поддерживать транспорт и промышленность. Если выкинуть это из бюджета, то мы имеем теперь полное обеспечение всех текущих потребностей государства, хотя и на очень нищенском уровне. Вопрос о будущем нашей промышленности, о том, в какой мере нужна будет ей бюджетная поддержка, это есть вопрос такого порядка, который не может быть решен только с точки зрения упорядочения денежного обращения, и сейчас трудно дать на него какой-нибудь категорический ответ, нельзя гарантировать, что наша промышленность не будет нуждаться в покрытии своего дефицита за счет государственного бюджета. Такое ручательство взять на себя нельзя. Однако, можно сказать, что дефицит транспорта мы изживаем определенно. В прошлом году мы покрыли этот дефицит в сумме 167 милл. В этом году мы торговались—покрыть ли 72 миллиона или 40, и думаем, что покроем 40, и ставим транспорту требование с октября 1924 года давать некоторый доход.

Наркомпочтель становится бездефицитным. Покрываемый за счет бюджета дефицит промышленности значительно меньше, чем в прошлом году. В угольной промышленности дело идет к значительному улучшению. Из отраслей тяжелой промышленности наибольших забот, повидимому, будет требовать металлическая промышленность.

Очевидно, что в этом году мы должны будем ее поддерживать, но здесь речь идет не о сотнях миллионов, а о паре десятков миллионов, что сейчас для нашего бюджета решающего значения не имеет.

Конечно, наша промышленность с трудом изживает свой дефицит. Но надо иметь в виду, что здесь в большей степени ей может приходить на помощь Государственный банк, чем непосредственно государственный бюджет. И сейчас Государственный банк в большей степени является источником средств для промышленности, чем государственный бюджет. Но как бы то ни было, несколько десятков миллионов из государственного бюджета Советское государство всегда сможет промышленности дать для поднятия особенно нуждающихся отраслей тяжелой промышленности.

Я сказал,—говорит далее т. Сокольников,—что вопрос о промышленности, в целом, не укладывается в рамки исключительно валютной проблемы. Действительно, если мы поставим это в большой перспективе (с точки зрения более отдаленного нашего развития), то мы должны будем сказать, что в наших условиях судьба нашей валютной реформы, как и судьба наших финансов, в конце концов, будет зависеть от того, разрешим-ли мы задачу организовать государственную промышленность и ее нормально наладить. Но для ближайшего времени задача все-таки ставится не так. Многие делают громадную ошибку, не умея расчленить постановку вопроса в двух стадиях (двух последовательных промежутках времени), т. е. решая его применительно к конечной стадии полного социалистического овладения крупным хозяйством и к нынешней стадии, когда создаются лишь предпосылки развития государственного производства.

Практически дело обстоит сейчас так, что промышленность еще живет за счет государственного бюджета. Государство покрывает дефицит и дает основную массу заказов нашей тяжелой промышленности. Говорят, что экономика определяет финансы, а так как у нас плохая экономика, то не может быть более или менее приличной валюты. Здесь все сшито белыми нитками, надо гораздо точнее все это формулировать, применительно к нашим условиям. Наша экономика та, которая определяет наши финансы, есть, главным образом, экономика сельского хозяйства. Что же касается нашей промышленности, то ее состояние теперь еще определяется государственными финансами, хотя бесспорно государственные финансы находятся под обратным мощным влиянием промышленности.

Поэтому нужно сказать, что если валютная реформа укрепит государственное хозяйство, то она даст огромный толчек развитию нашей промышленности. Ясно, что банкнота явилась большим подспорьем для промышленности. Но еще большим подспорьем будет для нее из‘ятие из оборота обесценившейся валюты, обесценение которой сейчас в огромной степени падает, как эмиссионный налог, на нашу государственную промышленность и разрушает возможность налаживания правильного товарооборота и завоевания нашей промышленностью деревенского рынка.

Если этот неблагоприятный фактор отпадет, наша промышленность много выиграет, и возможность ее развития будет дана.

Таким образом, я считаю,—говорит т. Сокольников, — что вопрос о промышленном дефиците будет изживаться тем скорее, чем скорее промышленность почувствует под собой твердую валютную почву. Надеяться, что промышленность будет выступать на рынке более или менее с победой, а не с поражением, без того, чтобы были нормальные условия,—немыслимо.

Нам эта точка зрения т. Сокольникова представляется совершенно правильной. Тот, кто говорит, что при условии бюджетного дефицита нельзя предпринимать денежной реформы, совершенно не учитывает самого характера нашего дефицита, и потому жестоко ошибается. Если бы мы стали ждать с денежной реформой до тех пор, пока наша промышленность будет совершенно бездефицитна, то нам, пожалуй, пришлось бы ждать до второго пришествия.

В этом отношении чрезвычайно характерно то обстоятельство, что Витте, бывший, несомненно, самым талантливым министром последних лет царского режима, но в то же время весьма невежественным во многих экономических вопросах, мог бы провести реформу значительно раньше, чем он это сделал в действительности. Правда, в этом отношении было сильное сопротивление землевладельцев, как нам известно, заинтересованных в падающей валюте, с одной стороны, и с другой — предшественники Витте, упустившие сравнительно благоприятную обстановку. Дело в том, что наш бюджет стал бездефицитным уже с 1888 года, а платежный баланс стал активным еще ранее этого срока. Народное хозяйство находилось в это время в состоянии под‘ема, и, таким образом, налицо были все необходимые предпосылки для проведения денежной реформы. И если она была проведена только в 1897 году, т.-е. через 10 лет после указанного срока, то это в значительной степени об‘ясняется тем обстоятельством, что проведение реформы наталкивалось на сопротивление землевладельцев, да и капиталистические круги ставили такие условия, которые, по существу дела, были совершенно лишними (например, немедленное внедрение золота в оборот). Это показывает лишний раз, что рабочий класс, свободный от защиты интересов собственников, гораздо легче и скорее может осуществлять самые сложные мероприятия, имеющие цену и для других классов.

Перейдем теперь ко второму необходимому условию денежной реформы, необходимому в условиях настоящего момента, именно к вопросу о реформе натурального налога. Оно имеет громадное значение. В самом деле, введение натурального налога по существу означало то, что государство само подрывало доверие к своим собственным деньгам, не принимая их в уплату налогов, а требуя уплаты сельско-хозяйственного налога обязательно в денежной форме. Уже в 1923 году были сделаны значительные облегчения в этом отношении, и налог взимался в целом ряде местностей в денежной форме. Однако, взимание налога в обесцененных деньгах или даже в обли-

гациях хлебного займа гораздо менее выгодно для государства, чем взимание его в твердой валюте.

С другой стороны, взимание этого основного нашего налога в твердой валюте потребует громадного спроса на вновь выпускаемые твердые денежные знаки (червонец—слишком крупная денежная единица для обедневшей деревни) и, таким образом, в значительной степени облегчит проведение денежной реформы. Именно поэтому денежная реформа предпринята весной с тем расчетом, чтобы крестьянство имело время и возможность, без ущерба для своих хозяйственных интересов, накопить необходимые суммы твердой валюты для уплаты осенью сельско-хозяйственного налога. Опыт прошлых лет, когда выпущенные облигации хлебного займа имели громадный успех в деревне, которая потребовала их на 35—40 миллионов рублей еще до начала кампании по взиманию сельско-хозяйственного налога, дает все основания предполагать, что в наступающем 1924—1925 году деревня потребует твердой денежной валюты не менее, чем на 100 миллионов рублей, и, таким образом, отмена натурального налога создаст громадный спрос на вновь выпускаемую валюту и в значительной степени обеспечит успех денежной реформы.

В самом деле, крестьяне, которые в предыдущую кампанию явно выказывали свое предпочтение денежной форме налога, в предстоящем году будут платить налоги в той же самой валюте, в какой установлен будет налог весной. Этим государство берет на себя риск обесценения валюты и укрепляет доверие к ней со стороны крестьянства.

Поэтому постановление 2-го с'езда Советов СССР об отмене натуральной формы налога появляется как нельзя более кстати. Согласно этому постановлению, принятому 3 февраля нынешнего года, единый сельско-хозяйственный налог должен исчисляться в золотых рублях, а не в натуральных единицах. Этим постановлением, имеющим громадное принципиальное значение, подводится твердая основа для денежной реформы и в значительной степени обеспечивается возможность ее полного успеха.

Наконец, третьим моментом, обеспечивающим успешность проводимой денежной реформы, является активность торгового баланса, т.-е., как мы уже знаем, превышение вывоза над ввозом за границу. Это обстоятельство имеет громадное значение, так как только путем поддержания наших денег на уровне мирового рынка, всюду в данный момент переходящего или стремящегося перейти на золотую валюту, мы сможем установить прочную смычку с мировым рынком, чрезвычайно важную для нашего экономического развития. Реформа Витте, в свое время, вызвала усиленный приток иностранных капиталов в страну, и признание СССР Англией и Италией, несомненно, в значительной степени обязано устойчивости нашего червонца, которым чрезвычайно интересуются на иностранных рынках.

По мнению т. Сокольникова, наш червонец держится на благоприятном торговом и платежном балансе, в этом его сила. Кто этого не понимает,—говорит он,—тот ничего не понимает в червонце. Эта

точка зрения, о которой нам уже приходилось говорить, несомненно, правильна. Поэтому нам необходимо, хотя в самых общих чертах, ознакомиться с состоянием нашего платежного баланса в настоящее время.

Вопрос об активности нашего торгового баланса ставился на происходившем в конце января нынешнего года с'езде уполномоченных Наркомвнешторга. Из доклада Народного Комиссара Внешней Торговли т. Л. Б. Красина выясняется, что в прошлом 1922—23 году мы ввезли товаров из-заграницы на сумму в 187,4 миллионов золотых рублей, а вывезли на 210,6 миллионов рублей, т.-е. на 23,2 миллиона рублей более. Таким образом, уже в прошлом году мы вывезли больше, чем ввезли, и это обеспечивает устойчивость нашей валюты. В самом деле, это означает, что у нас на соответствующую сумму прибавилось иностранной твердой валюты, а так как мы пока не имеем никаких платежей по долгам, то мы сможем сделать коекакие запасы твердой иностранной валюты на будущее время. Очень важное значение имеет то обстоятельство, что значительная часть этой иностранной валюты, благодаря существующей у нас монополии внешней торговли, скопляется в кассах Госбанка и окажет очень большое влияние на устойчивость червонцев и вновь выпускаемой твердой валюты.

Что касается видов на ближайший год, то в этом отношении мы обеспечены вполне. По данным т. Сокольникова экспорт (вывоз) составит около 360 миллионов рублей, импорт (ввоз) сначала был сведен до цифры 240 миллионов, а теперь определяется чуть не ниже 200 миллионов. Может быть разница между вывозом и ввозом в конце-концов несколько уменьшится, но, во всяком случае, и в предстоящем году нам обеспечен перевес вывоза над ввозом, и притом перевес довольно значительный, так что опасаться за судьбу нашего денежного обращения с этой стороны не приходится. Это имеет чрезвычайно важное значение для будущих судеб нашего денежного обращения. Совсем еще недавно положение было совершенно другое; всего два года тому назад у нас почти совсем не было вывоза, так как нечего было вывозить (самим не хватало), а ввоз покрывался за счет уменьшения нашего золотого запаса, который и так со времени войны очень значительно уменьшился.

Правда, возможно предположить, что наше экономическое развитие потребует усиленного ввоза ряда товаров из-заграницы, но это может быть сделано за счет иностранных займов, на получение которых теперь, после признания СССР Англией и Италией и предстоящего признания другими иностранными державами, мы имеем полное основание рассчитывать, особенно после окончательного проведения денежной реформы.

Вместе с тем, наше экономическое развитие, увеличение об'ема товаров, обращающихся на рынке, поведет к еще большему требованию на денежные знаки и еще более упрочит наше денежное обращение. В самом деле, мы уже приводили данные о том, какое коли-

чество денег обращалось у нас в довоенное время и какое обращается теперь, и простое сравнение этих данных показывает, что если до войны у нас обращалось $2^1/_2$ миллиарда рублей, а теперь около 360 миллионов, то остается еще громадное поле для расширения нашего денежного обращения, и в этом отношении наше положение оказывается довольно прочным.

Словом, приходится прийти к выводу, что как ближайшие, так и более отдаленные виды нашего денежного обращения являются довольно благоприятными, и если нам придется первое время напрягать большие усилия, для поддержания твердости нашего денежного обращения, то чем дальше будет итти вперед наше экономическое развитие, тем легче нам будет это бремя, тем тверже будет становиться наша валюта. Особенно важное значение имеет то обстоятельство, что у нас нет никакой необходимости поддерживать интересы класса собственников, которые мешали проведению денежной реформы при Витте и его предшественниках и которые мешают в настоящее время проведению денежной реформы и введению устойчивой валюты в ряде капиталистических стран.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Попробуем теперь подвести некоторые итоги. Мы ознакомились в самых общих чертах с историей денежного обращения в России и знаем, что борьба за устойчивую валюту составляет одну из самых постоянных черт нашей финансовой истории. Мы видели, что каждая война вызывала стремление использовать выпуск бумажных денег, как один из самых легких и верных способов для добычи значительного количества средств, правда за счет использования запасов прежних лет и истощения производительных сил, при чем главная тяжесть эмиссионного налога всегда ложится на низшие слои населения, и в то же время эмиссионная система препятствует правильному развитию экономической жизни страны, в особенности, в капиталистическую эпоху. Отсюда обратное стремление к восстановлению твердой валюты, встречающее иногда большие препятствия со стороны своекорыстных интересов некоторых слоев имущих классов.

Мы видели далее, что империалистическая война повергла Россию в такое состояние, в смысле переполнения обесценившимися денежными знаками, которое до сих пор еще не было видно в истории. Мы видели, что Советская власть делала попытки выбраться из этого хаоса, но ее стремления были сведены на нет продолжительной гражданской войной и коренной перестройкой экономических отношений, при которой одно время казалось можно найти другие пути для выхода из этого хаоса, а именно, переход к безденежному обмену. Когда же выяснилось, что эта попытка преждевременна и не имеет шансов на успех, Советская власть повела снова

упорную борьбу за преодоление бумажно-денежного хаоса и введение твердой валюты.

Здесь мы можем наметить несколько последовательных ступеней в проведении денежной реформы. Первая ступень. Вводится новая экономическая политика, восстанавливается рынок, т. е. товарно-денежное хозяйство. Вопрос о хозяйственном расчете остро стоит перед каждым предприятием и перед государственной промышленностью в целом и должен быть разрешен, так как без правильного расчета вести хозяйство совершенно невозможно. Отсутствие такого правильного расчета приводит к ничем не регулируемому производству и совершенно беспорядочному «разбазариванию» произведенных товаров. Обесцененные советские денежные знаки не могут служить мерилом ценности и основанием калькуляции, так как выраженные в этих знаках товарные цены повышаются на десятки процентов в месяц. Народное и финансовое хозяйство напряженно ищут «твердого измерителя». Они обращаются к «довоенному золотому рублю», к «товарному рублю», или правильнее к индексам (указателям) товарных цен, к различным оффициальным курсам Наркомфина, Госплана, специальной котировальной комиссии. В этой обстановке задача не может быть удовлетворительно решена, так как все эти индексы представляют собой искусственное произведение и никоим образом не могут заменить реальной, получившей свое крещение в реальной, действительной жизни, а не в кабинете, денежной единицы. Тем не менее намечается некоторый выход из положения. Он заключается в том, что после длительного периода расценки товаров в советских денежных знаках, народное хозяйство порывает с этой системой и возвращается к старой привычной оценке товаров в золотых рублях. Спор идет только о том, опираться ли на довоенный золотой рубль, или на ценность современного золота. Наше постепенное сближение с мировым рынком (в свою очередь постепенно возращающимся к счету на золото) заставляет все более и более приближаться ко второй точке зрения.

Вторая ступень. Мерило ценности более или менее найдено, но оно имеет еще очень отвлеченный и не вполне устойчивый характер. Можно производить всякого рода калькуляции (исчисления) при помощи индексов и курсов «идеального» золотого рубля. Однако, ни индексами, ни оффициальным курсом, как выразился один из наших финансистов, платить нельзя. Для этого остаются советские денежные знаки. В кассах предприятий лежат и обесценивающиеся деньги, и курсовые разницы, происходящие из ежедневных колебаний курса, и попрежнему разрушают всякий хозяйственный расчет. Стремление застраховать себя от потери на курсе, вызывает, особенно во времена быстрого обесценения денег, бешеную погоню за товарами, при чем для предприятий становится уже безразличным, какой товар ими приобретается, лишь бы избавиться от «денежных знаков». Вместе с тем в этой тяжелой обстановке кое-где вступает в оборот золотая монета, угрожая всей финансовой системе. Далее, хозяйство не может удовлетвориться одними отвлеченными рублями—ни золо-

тыми, ни товарными. Ему до зарезу необходимы осязаемые, устойчивые деньги, которые можно положить в кошелек, поместить в кассу, отнести в банк. Финансовая политика не может не пойти навстречу этому требованию. Отсюда предоставление Государственному банку права выпуска новых устойчивых денег, создание червонца, мероприятие чрезвычайного значения, послужившее прочным началом действительного преобразования денежной системы.

Третья ступень. Устойчивые деньги созданы. Червонец внедряется в обращение, и только на этой почве мог произойти тот хозяйственный под'ем, которым, в общем и целом, несомненно, может быть отмечен 1923 год. Из орудия сбережения червонец превращается в основную валюту страны. Государственному банку удается поддерживать его курс на сравнительно устойчивом уровне, хотя главное значение здесь имеет активный баланс нашей внешней торговли и привлечение твердой иностранной валюты в кассы Госбанка. Но именно, благодаря достоинствам червонца, советский денежный знак оказывается оттесненным на второй план. Советские денежные знаки, по словам того же финансиста, становятся исключительно разменными и исключительно плохими деньгами. Советские денежные знаки начинают обесцениваться с исключительной быстротой. Червонец снова становится орудием сбережения и уходит из обращения. В розничной торговле преобладают платежи советскими знаками, и торговля повышает цены, вводя в них 10—20% на курсовые потери. Получается известная разница между оффициальным и вольным курсом рубля. Денежное обращение расстраивается, и все указывает на то, что денежная реформа окончательно назрела.

Четвертая ступень. Она не может не заключаться во введении устойчивой казначейской валюты. Система двух валют оказывается совершенно не пригодной и должна уступить место новой. Народное хозяйство требует следующего шага в развитии денежного обращения, и само государственное казначейство столько теряет от падающей валюты на всех своих доходных поступлениях, что эмиссия советских денежных знаков утрачивает всякий смысл. Вместе с тем расширение емкости рынка, благоприятный торговый баланс, неуклонное сокращение бюджетных дефицитов и постепенное превращение единого сельско-хозяйственного налога в денежную форму позволяют приступить к реформе. Успех ее зависит от тех усилий, которые будут приложены к восстановлению производительных сил страны и укреплению ее финансового положения. И для того, и для другого денежная реформа создает необходимую предпосылку.

Пятая ступень будет заключаться в окончательном завершении денежной системы. Мы имеем все основания предполагать, что эта последняя ступень будет благополучно пройдена. Правда, для этого нужна величайшая экономия и бережливость, но вся предшествующая работа, с одной стороны, открывающая собой новую эру—признание Советской России важнейшими европейскими капиталистическими странами (Англией и Италией), с другой, вводящая нас в общую

систему мирового хозяйства,—дают все основания надеяться, что этот этап завершится вполне благополучно[1].

Значение денежной реформы огромно, и мы сейчас еще не в силах вполне правильно оценить то громадное оздоровление, которое она внесет во всю нашу экономическую жизнь. Еще недавно осенний кризис 1923 г. вызвал смятение в умах некоторых товарищей, слишком слабо оценивавших громадную мощь рабочего класса, стоящего теперь во главе всей хозяйственной и политической жизни. Денежная реформа неизбежно повлечет за собой значительно более быстрое развитие и укрепление нашей промышленности, и быть может, очень недалеко то время, когда западные народы, которые еще очень недавно приходили в ужас от разорения Советской России, будут удивляться и завидовать быстроте ее экономических успехов. И это создаст совершенно другое отношение к рабоче-крестьянскому правительству и советскому строю, которые на самом деле являются залогом величайших успехов в области экономической жизни.

---

[1] За время печатания настоящей брошюры денежная реформа далеко продвинулась вперед. За это время опубликованы декреты о прекращении печатания совзнаков, о выпуске серебра, об отмене товарного рубля, о выкупе совзнаков и т. п. С 1-го мая у нас будут находиться в обращении исключительно твердые казначейские билеты, серебро и замещающие его боны.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Цена 50 коп.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

Ленинград: Смольный, комн. 74; Просп. 25 Октября, 52, магазин „Книжные Новинки“.

Москва: Московское отделение издательства „ПРИБОЙ“ Петровские линии, под'езд № 1. Телеф. 2-24-09

